

The book cover features a central illustration of a brown teddy bear sitting in a dark, dilapidated room. The bear is covered in a delicate spider web, and a large, dark spider is perched on its nose. The room has peeling blue walls, a window in the background, and various toys scattered on the floor, including a rocking horse and a small box. The entire scene is framed by large, vibrant red peonies with green leaves.

Невероятные,
но мистические

приключения
Машы и Евы

АВРОРА СТИЛЗ

Аврора Стилз

**Невероятные , но жуткие
приключения Маши и Евы**

«Литнет»

2026

Стилз А.

Невероятные , но жуткие приключения Маши и Евы / А. Стилз —
«Литнет», 2026

Если ваши дети обожают страшилки — вы нашли сокровище. В этой книге собраны истории, от которых мурашки бегут по коже, а потом... становится понятно, почему мама просила мыть руки, не разговаривать с незнакомцами и не раскачиваться на качелях слишком сильно. Здесь оживают двойки, каменеют неслышанные родители, в порталы уходят доверчивые девочки, а из забытых коробок выползают настоящие монстры. Но главное — каждая история не просто пугает. Она учит. Добру, осторожности, ответственности и тому, что правила безопасности придуманы не для того, чтобы испортить жизнь, а чтобы её сохранить. От немытых рук до разговора с незнакомцами — все главные опасности детства в одной книге. Читайте вместе, смейтесь, пугайтесь и запоминайте. Это будет страшно интересно! Вторая книга★#

Дорогой читатель! Каждый лайк, каждый комментарий, каждое добавление книги в библиотеку — для меня как маленькое чудо. Это значит, что мои истории не пропали зря, что они достучались до кого-то. Пожалуйста, поддержите меня — это очень просто, а для автора значит очень много. А я взамен постараюсь радовать вас новыми страшными и полезными историями. Спасибо, что вы есть!

© Стилз А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Роблокс.	5
Стеклянные слова.	11
Мусорное чудовище.	17
Потерянное время .	22
Тайна старого шкафа.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роблокс.

История первая, в которой свобода оказалась страшнее любых запретов.

Часть первая: Обычный вечер, который стал особенным.

Мама уходила из дома много раз. Но сегодня всё было особенным. Старшие — Маша и Лёша — давно уже считали себя совсем взрослыми. Даже Ева, хоть ей и было всего пять, тоже так считала. Ну, почти.

— Маш, Лёш! — мама наклонялась к ним, заглядывая в глаза. — Пожалуйста, я вас очень прошу, поиграйте с Евой. Не оставляйте её одну. Обещаете?

— Конечно, мам! — отозвалась Маша, не отрываясь от телефона.

— Не переживай, мам! — Лёша кивнул так уверенно, словно давал клятву.

Мама помедлила. Ей всегда было трудно уходить. Она смотрела на них — такие серьёзные, такие надёжные... И всё же что-то внутри неё сжималось.

— Я вам доверяю, — сказала она тихо. — Пожалуйста, не подведите меня.

Она поцеловала каждого в макушку, задержала взгляд на Еве, которая сосредоточенно рисовала что-то на листочке, и... скрылась за дверью.

Щёлкнул замок.

Повисла тишина.

А потом — взрыв.

Часть вторая: Свобода, которая пахла конструктором.

— СВОБОДА! — заорали дети хором, и даже Ева подпрыгнула на месте и засмеялась.

Свобода пахла соком с печеньем, который можно пить без спроса, и папиным подарком — огромной коробкой, которая уже неделю стояла в углу и манила. Да-да, они были обычными детьми, которые могли зависать в телефоне часами, но творческие увлечения у них тоже водились. И сегодня — сегодня они наконец решатся вскрыть гигантский конструктор на тысячи деталей. Город будущего. Небоскрёб, мост, парк...

Ева подошла ближе. Ей непременно хотелось быть частью команды. Она протянула руку к блестящей синей детальке.

— Ева, НЕ ТРОГАЙ! — истерично взвизгнула Маша, заслоня коробку плечом. — Ты всё испортишь!

— Ева, ну не мешай! — Лёша даже не обернулся, продолжая рыться в пакетиках с деталями. — У тебя свои игрушки есть.

Ева замерла. Губы задрожали, в глазах зашипало. Она уже была готова расплакаться — громко, навзрыд, чтобы все слышали как ей обидно. Но... Мамы же нет дома. А какой толк плакать, если тебя никто не пожалеет?

Она сглотнула комок в горле.

И тут в голове созрел план.

— Можно я тогда в «Роблокс» поиграю? — спросила она тихо, но с такой надеждой, что даже воздух, кажется, задержал дыхание.

— Можно, конечно! — выдохнула Маша с облегчением.

— Иди в спальню, чтобы нам не мешать! — добавил Лёша и наконец-то улыбнулся.

— Хорошо... — прошептала Ева.

И в этом «хорошо» вдруг почудилось что-то странное. Что-то... таинственное. Словно она знала то, чего не знали они.

Счастливая Ева убежала в спальню, прижимая к груди тёплый телефон. Маша и Лёша переглянулись, пожали плечами и уткнулись в конструктор.

Наступила долгожданная тишина.

Часть третья: Долгожданная тишина.

Они строили. Деталь за деталью, этаж за этажом. Город рос быстро и уверенно, и Маша даже подумала: «Как же легко работать, когда никто не жужжит над ухом и не лезет маленькими ручонками!»

— Ева, ты молодец! — вдруг воскликнул Лёша, даже не поднимая головы.

Маша замерла.

— Ты чего? — она подняла брови. — Её же здесь нет.

Лёша медленно повернулся. Посмотрел на пустой стул. На тихий коридор.

— Точно... — голос его дрогнул. — Кстати... она подозрительно тихая.

— Так играет же, — пожала плечами Маша, но в груди уже шевельнулся холодок.

— Сходи посмотри как она там. Только осторожно, — почему-то шёпотом добавил Лёша.

— Хорошо, — нехотя ответила Маша и бесшумно скользнула в коридор.

— Давай-давай, — поторопил брат, но она уже ушла.

Тишина стала совсем густой.

— Ева? Ты где? — донёсся голос Маши. Сначала спокойный. Потом — с ноткой тревоги.

— Ну где же ты?

— Чего там? — Лёша вскочил, конструктор жалобно звякнул.

— Да нет её нигде! — Маша выбежала из спальни, глаза у неё стали круглые. — Ерунда какая-то!

— Да ладно? — Лёша сглотнул. — Спряталась, наверное. Она же обожает прятки. Давай искать.

Они обшарили каждый угол. За диваном, под кроватью, в шкафу среди кучи верхней одежды — пусто. В ванной, в кладовке, даже за шторой. Ева исчезла.

И тут Лёшу пронзило. Ева же терпеть не могла сидеть тихо! В прятках она всегда сдавалась первой — через минуту начинала хихикать, выкрикивать «я тут», топтать ногами. А сейчас — ни звука.

— Мне страшно, — прошептала Маша.

— Спокойно, — брат сжал кулаки, пытаясь унять дрожь в голосе. — Мы знаем, что она дома. Дверь закрыта изнутри. Окна закрыты. Значит, мы плохо ищем.

— Да нет её нигде! — выкрикнула Маша, и слёзы брызнули из глаз. — Ева! Выходи, пожалуйста! Я больше не буду на тебя кричать!

Тишина.

Часть четвёртая: Засада в «Роблоксе».

— Она сказала, что будет в «Роблоксе», — Лёша включил логику, как учил папа. — Давай тоже зайдём и посмотрим, в сети она или нет.

— Давай!

Они схватили телефоны. Ева была в сети. Она играла в «Вырасти сад».

— Вот она! — Лёша выдохнул, но облегчение не пришло. — Пошли к ней!

Они зашли в сад. Аватар Евы сидел на земле и не шевелился. Маленькая девочка в голубом платье и со смешными косичками — совсем как настоящая. Увидев брата и сестру, аватар вскочил и начал радостно прыгать вокруг них.

— Ну вот видишь! — Лёша даже улыбнулся. — Всё нормально. Давай напишем ей, спросим, где она прячется.

Аватар замер.

Ребята напечатали: «Ты где? Мы тебя потеряли!», «Выходи уже! Мы переживаем!», «Ева, ответь!».

Аватар молчал. Он снова сел на землю и уставился в одну точку.

— Да что с ней такое?! — Лёша стукнул кулаком по колену.

— Ты не понимаешь что ли? — вдруг тихо сказала Маша. — Она же не умеет читать.

Лёша замер.

Точно. Она знает буквы, но складывать их в слова... Она видит эти сообщения как набор непонятных значков. И не может ответить — потому что не умеет писать тоже.

— И что теперь делать? — голос Лёши сел. — А что, если...

Он замолчал.

— Что — если? — переспросила Маша.

— А что, если она застряла в «Роблоксе»?

— Чего? — протянула Маша. — Как это вообще возможно?

— Я слышал такое. Читал где-то историю. — Лёша уже лихорадочно вбивал запрос в поисковик. — Давай поищем!

Они искали. И нашли. Историй оказалось пугающе много. Дети, пропавшие в играх. Зброшенные аккаунты, которые никто не открывает. Ссылки-ловушки. Незнакомцы, которые пишут: «Нажми сюда, это сюрприз». И экран гаснет, и ты уже не можешь выйти.

— Ева никогда не вернётся! — Маша закрыла лицо руками.

— Соberись! — Лёша сжал телефон так, что побелели костяшки. — Мы вернём её.

— Как?!

— Я не знаю. Но найду способ.

— Это мы во всём виноваты! — Маша всхлипывала, размазывая слёзы по щекам. — Мы не захотели с ней играть. Мы бросили её. Она маленькая, она надоедливая, но я... я так сильно люблю её! — голос сорвался. — Пожалуйста, пусть она вернётся! Я обещаю, я буду играть с ней каждый день! Да я все свои игрушки ей отдам! Куклы, лабубу, даже ту блестящую заколку! Пусть только вернётся...

— Стоп! — Лёша резко поднял голову. — Кажется, я что-то нашёл!

— Что?

— Смотри... Тут пишут, как вытащили одного мальчика. Нужно найти её телефон!

— Он в спальне! Она же там играла!

Они влетели в комнату, перерыли кровать, подушку, одеяло. Пусто. Заглянули под комод, под тумбочку, в ящик с игрушками — ничего.

— Да где же он?! — Лёша в отчаянии оглядывался.

— Жаль, мамы нет, — всхлинула Маша. — Она всегда всё находит.

— Точно! — Лёша хлопнул себя по лбу. — Надо думать как мама! Что она всегда говорит?

— Эээ... Под кроватью?

— Смотрел!

— Под одеялом?

— Тоже!

— Под матрасом?

— Бинго! — Лёша запустил руку под матрас и вытащил телефон. Экран горел. Аватар Евы всё так же сидел на земле в своём саду.

— Что дальше? — выдохнула Маша.

— Надо выйти из игры и удалить приложение. Скорее!

— Держись, наша малышка! — Маша смотрела на экран, вцепившись в руку брата. — Мы тебя спасём!

— Почти всё, — бормотал Лёша, дрожащими пальцами удаляя иконку.

— ОЙ! — вдруг закричала Маша так, что у Лёши телефон выпал из рук.

На кровать — буквально из ниоткуда — свалилась Ева.

Она моргала, трясла головой и выглядела так, будто только что бежала очень-очень долго.

— ЕВА! — закричали дети хором и бросились её обнимать.

Часть пятая: Разговор о настоящих друзьях.

— Я... я была в «Роблоксе», — прошептала Ева.

— Мы знаем! Мы тебя спасли!

— Мне было страшно, — призналась сестрёнка, и губы у неё задрожали. — Там темно, и я не могла найти выход. Я звала вас, но вы меня не слышали...

— Как ты туда попала? — Лёша говорил строго, но руки его гладили Еву по голове.

— Мне написал мой друг. Я нажала на кнопку — и всё...

— Какой ещё друг?! — у Лёши даже голос сел от возмущения. — Какие у тебя могут быть друзья в интернете? Ты его совсем не знаешь!

— Вот этот пользователь, — Маша подняла телефон сестры. — Он прислал ей странную ссылку. Она нажала — и попала в беду.

— Это твой друг? — Лёша показал Еве аватар.

— Да! — Ева улыбнулась сквозь слёзы. — Он всегда присылал мне смайлики!

Лёша и Маша переглянулись. В их головах одновременно зазвенел тихий, но очень важный звонок. Как объяснить Еве то, что они сами поняли только сейчас?

— Понимаешь, — Лёша взял сестру за руку и заговорил мягче, чем минуту назад. — Друг — это не просто картинка на экране. Друг — это тот, кто рядом. Кто придёт, если тебе страшно. Кто поделится печеньем или даст поиграть в свою игру. — Он запнулся, вспомнив, как сам недавно отгонял Еву от конструктора. — Мы, конечно, не всегда хорошо себя ведём... Но мы — настоящие. А в телефоне — просто незнакомец. Он может называть себя кем угодно, притворяться добрым, а потом...

— А потом заманивать в ловушку, — тихо закончила Маша. — Как тот паук, который притворяется цветком, чтобы поймать бабочку.

Ева смотрела на них, и её нижняя губа медленно ползла вниз.

— Значит, у меня совсем нет друзей? — прошептала она.

— У тебя есть мы, — твёрдо сказал Лёша. — И в садике у тебя есть друзья! И во дворе! Они настоящие. Вы вместе лепите куличики и бегаєте наперегонки. А этот... этот просто притворялся.

Ева молчала. Потом шмыгнула носом и уткнулась Маше в плечо.

— Я просто хотела поиграть... — донеслось глухо.

— Прости нас, — Маша гладила её по спине. — Мы больше никогда не будем тебя прогонять. Правда-правда.

— Обещаем, — добавил Лёша и положил руку поверх руки Маши. — Мы будем играть с тобой в любые игры. Даже в «Роблокс». Только вместе. Хорошо?

Ева кивнула, не поднимая головы.

Часть шестая: Мама вернулась.

— Но сначала, — Лёша выпрямился, — мы должны сделать одно очень важное дело.

— Какое? — Ева наконец выглянула из-за плеча сестры.

— Мы должны пожаловаться на этого... недруга, — Лёша нахмурился, подбирая слово. — Чтобы его заблокировали и он больше никого не смог обмануть.

— И написать везде! — подхватила Маша. — Предупредить других детей. Чтобы никто не попал в такую же беду.

— А можно... — Ева шмыгнула носом, — я тоже хочу предупредить? Тех, кто не умеет читать?

Лёша и Маша снова переглянулись. И улыбнулись.

— Можно нарисовать, — предложила Маша. — Памятку. Чтобы сразу было понятно: чужие ссылки — это опасно.

Ева впервые за долгое время улыбнулась.

— И маме расскажем, — уже спокойнее сказал Лёша. — Пусть взрослым тоже напишет. Чтобы все-все знали.

— Маме? — Ева снова напряглась. — Не рассказывайте маме, пожалуйста... Она будет меня ругать. Я плохая, я нажала на кнопку, хотя нельзя было этого делать.

— Ты не плохая, — Маша присела на корточки, чтобы смотреть сестре прямо в глаза. — Ты просто маленькая. И поверила тому, кто притворялся добрым. Это не твоя вина.

— А виноваты те, кто обманывает, — добавил Лёша. — Им за это будет стыдно. А мама... Мама не ругает за правду.

— Никогда, — подтвердила Маша. — Она просто помогает нам понять как сделать лучше. Помнишь, когда ты разбила её любимую чашку и честно призналась? Она же не кричала. Она сказала: «Чашку склеить нельзя, но доверие склеить можно».

— Я помню, — тихо сказала Ева. — Мы потом вместе пили чай из новых чашек.

— Вот видишь. — Маша улыбнулась. — А если бы ты спрятала осколки под диван? Вот тогда было бы плохо.

— Потому что врать — ещё хуже, чем ошибаться, — важно добавил Лёша и вдруг хихикнул. — Мы-то это знаем. Помнишь, что было, когда мы стали слишком часто врать родителям?

— О-о-о, — протянула Маша и даже зажмурилась. — Это было ужасно. Ева, никогда, слышишь — НИКОГДА не ври маме и папе.

— А что было? — Ева подалась вперёд, забыв про слёзы.

— Что ж... — Лёша многозначительно откинулся назад. — Видимо, пришло время рассказать тебе эту историю.

— Давно пора, — кивнула Маша. — Это очень страшная история. И очень поучительная.

— А можно сейчас? — Ева уже ёрзала на месте.

— Ну...

Лёша открыл рот, чтобы начать, но в этот момент в коридоре раздался знакомый звук. Поворот ключа.

— Ой, — выдохнула Маша. — Мама пришла!

— Уже?! — Ева подскочила. — А как же история?

— История подождёт, — Лёша поднялся и одёрнул футболку. — А мама — нет.

В прихожей зашуршал пакет, звякнули ключи, и через секунду раздался мамин голос:

— Я дома! Как вы тут?

— МАМА! — закричали девочки хором и бросились к двери.

Ева летела первой. Маша за ней. Лёша на секунду задержался, посмотрел на недостроенный город на полу, на брошенные телефоны, на аватар зелёного паучка в списке друзей — и вышел в коридор.

Мама ещё не успела снять пальто, а они уже висели на ней все трое, перебивая друг друга:

— Мама, у нас такое было!

— Мы чуть Еву не потеряли!

— Она в «Роблокс» попала, а мы её спасли!

— И мы теперь будем всегда вместе играть!

— И мы нажаловались на плохого человека!

— И мы нарисуем памятку!

Мама смотрела на них круглыми глазами, пытаясь уловить хоть ниточку смысла в этом бурном потоке. Но потом её взгляд упал на Еву — живую, тёплую, настоящую, с мокрыми дорожками на щеках и счастливыми глазами, — и она перестала пытаться понять.

Она просто обняла их всех сразу.

— Главное, что вы вместе, — сказала мама тихо. — Остальное расскажете. Я никуда не тороплюсь.

И правда. Уже вечерело, за окном зажигались огни, а они всё сидели в прихожей на пуфике, тесно прижавшись друг к другу. Пальто мамы так и висело на плечиках, ключи лежали на тумбочке, а ужин никто не начинал готовить.

Но это было неважно.

Важно было то, что они все дома. Что город будущего можно достроить завтра. Что страшная история про враньё всё ещё ждёт своего часа. И что настоящая свобода — это вовсе не когда ты один. А когда тебя есть кому спасти.

И есть кого спасать.

Часть седьмая: Поучительный вывод.

И знаете что?

С того дня Маша, Лёша и Ева больше никогда не оставляли друг друга одних. И если кто-то из них хотел поиграть в телефоне, они играли вместе. Или договаривались, что это будет недолго. И всегда знали, где находится каждый.

Потому что они поняли: интернет — это удивительное место. Там можно найти друзей, игры, знания. Но там же могут прятаться те, кто хочет обмануть. И если ты маленький — тебя легко обмануть.

Но если ты не один — тебя обмануть труднее.

Интернет — как большой город.
В нём много интересного, но и много опасного.

Не доверяй незнакомцам в сети.
Даже если они кажутся добрыми.
Даже если присылают смайлики.

Настоящие друзья — рядом.
Ты можешь их обнять.
Ты можешь с ними поиграть.
Ты можешь позвать их, если страшно.

А если в сети что-то не так — скажи взрослым.
Они помогут.

Потому что вместе — легче. Вместе — безопаснее. И вместе всегда интереснее, чем одному. Даже в «Роблоксе».

Стеклянные слова.

История вторая, в которой ложь оставляет трещины.

Часть первая: Живая кукла.

Когда Ева была совсем маленькой — такой крошечной, что ещё даже не умела ходить, а только лежала на своём детском коврикe и гукала, — для Маши она была настоящей живой куклой. Маша обожала кормить её из бутылочки, выбирать ей наряды, завязывать смешные бантики на её редких волосиках и напевать колыбельные, когда Ева начинала капризничать.

Лёша был постарше. Он, конечно, тоже любил сестру, но сильно не умилялся. Всё-таки он уже ходил в школу и считал себя почти взрослым. Но когда Ева смеялась — громко, заливисто, на весь дом, — Лёша всегда подходил поближе, чтобы посмотреть на её счастливое личико. Ради этого смеха он готов был строить рожицы и изображать разных зверей часами.

В тот день всё было как обычно.

Часть вторая: Грохот и слёзы.

Лёша и Маша играли рядом с коврикeм Евы. Ева лежала на спинке, разглядывала погремушку и довольно гукала. Солнце светило в окно, по полу бегали солнечные зайчики, и настроение было отличным.

И тут Лёша, увлечшись своим конструктором, случайно задел ногой шнур от лампы, которая стояла на невысоком столике рядом с диваном.

Лампа качнулась раз. Качнулась два.

А потом с грохотом рухнула на пол.

Звук был такой, будто взорвался маленький фейерверк — резкий, оглушительный, страшный. Стеклянный плафон разлетелся на тысячи осколков, которые сверкающей россыпью разбежались по всему полу.

И в ту же секунду закричала Ева.

Она лежала на своём коврикe совсем рядом, и этот ужасный грохот ворвался в её тихий, спокойный мирок, как чудовище. Она зашлась таким отчаянным плачем, что у Маши и Лёши похолодело внутри.

— Что случилось?! — мама влетела в комнату через несколько секунд. Она была бледная, глаза её метались по комнате, выискивая опасность. — Никто не пострадал?! Вы целы?!

Она схватила Лёшу, ощупала его руки, голову, плечи. Потом Машу. Потом, наконец, подхватила на руки заходящуюся в плаче Еву, прижала к себе, покачивая и глядя по спинке.

— Тише-тише, маленькая, всё хорошо, это просто лампа упала, испугала нас, — приговаривала мама, и Ева понемногу затихала, уткнувшись мокрым лицом в мамино плечо.

Мама перевела дух. Осмотрела коврик — осколки не долетели, Ева в безопасности. Перевела взгляд на детей.

— Кто это сделал? — спросила она тихо, но строго.

Часть третья: Первая ложь.

У Лёши внутри всё оборвалось. Он посмотрел на Машу. Маша смотрела в пол. Сердце колотилось где-то в горле, руки вспотели. Сказать правду? Но мама будет так ругаться! Лампа была красивая, папа её дарил...

И тут Лёша сам не понял как у него вырвалось:

— Это Ева... — выпалил он. — Она, наверное, ножкой дёрнула и задела шнур. Мы не видели, но, наверное, она...

Он замолчал, потому что врать было страшно. Но ещё страшнее было признаваться.

Мама посмотрела на Еву, которая уже почти успокоилась и только всхлипывала во сне.

— О господи... — прошептала мама. — А я ведь даже не подумала, что этот шнур так опасно болтается! Это же надо быть такой невнимательной! — Она прижала Еву крепче и поцеловала её в макушку. — Прости меня, моя маленькая. Мама не уследила.

Она убрала осколки, вытерла пол и ушла на кухню — успокаивать нервы чаем.

А Маша и Лёша остались одни.

— Ты чего наделал? — зашептала Маша, дёргая брата за рукав. — Зачем ты на Еву сказал? Она же маленькая совсем, она даже не понимает ничего!

Лёша сначала молчал, переваривая случившееся. А потом вдруг улыбнулся.

— А ты посмотри, — сказал он. — Мама поверила. И никого не ругала. Еву ругать нельзя — она кроха. А нас бы точно отчитали. А так — все целы, мама спокойна, и мы не виноваты.

Маша замерла.

— То есть... — медленно проговорила она. — Если мы будем говорить, что это Ева... нас никогда не накажут?

— Ну да! — Лёша даже обрадовался своей гениальной идее. — Это же чудесно! Она маленькая, ей всё равно, а мы — в безопасности!

Маша задумалась. А ведь и правда...

Часть четвёртая: Привычка лгать.

Прошло несколько дней.

И дети начали пользоваться своим открытием.

Через пару дней Лёша играл в коридоре в мяч, хотя мама сто раз говорила: «В доме мяч не бросать!» Мяч, конечно, улетел прямо в мамину любимую вазу, которая стояла на тумбочке. Ваза жалобно звякнула и разбилась.

— Это опять Ева? — устало спросила мама, заглядывая в комнату.

— Ага, — кивнул Лёша, глядя в пол. — Она ползти пыталась и ручкой задела. Мы не успели остановить.

Мама вздохнула, убрала осколки и сказала только: «Ну что за невезуха...»

А Лёша с Машей переглянулись. Сработало!

В другой раз Маша решила «помочь» маме и постирать свои кукольные платья в мамином любимом креме для лица. Крем, конечно, испортился. Платья тоже стали какими-то жирными и странными.

— Ева? — спросила мама, заходя в ванную.

— Да, — выпалила Маша, краснея до ушей. — Она дотянулась до баночки, пока я отвернулась.

Мама только покачала головой и убрала крем подальше в шкаф.

Потом был разлитый сок на диване. Потом — оторванные страницы в папиной книге. Потом — сломанный пульт от телевизора.

И каждый раз мама вздыхала, говорила: «Ах, Ева, ну что же ты у нас такая непоседа» — и всё убирала.

Ева, конечно, не понимала, что происходит. Она просто лежала в своей кроватке, пускала пузыри и радовалась жизни. Ей было всего ничего, и слова брата с сестрой для неё были просто шумом.

Но что-то начало меняться.

Часть пятая: Зелёный свет.

Прошла неделя.

Маша проснулась ночью от странного чувства. Ей показалось, что в комнате кто-то есть. Она приподнялась на локте и посмотрела в сторону детской кроватки, где спала Ева.

Лунный свет падал из окна, и в его холодном сиянии Маша увидела... глаза.

Глаза Евы были открыты. Широко-широко. И смотрели прямо на Машу.

Но самое страшное — они светились. Слабым, зеленоватым светом, как у кошки, если поймать её взгляд в темноте.

— Лёша... — прошептала Маша, не в силах отвести взгляд. — Лёша, проснись...

Она толкнула брата.

— Чего тебе? — буркнул он спросонья.

— Посмотри на Еву...

Лёша нехотя приоткрыл глаза, глянул в сторону кровати и... ничего особенного не увидел. Ева спала как обычно, свернувшись калачиком.

— Ну спит она, — зевнул Лёша. — Чего ты меня будишь?

— Она светилась! — зашептала Маша. — Я сама видела! У неё глаза светились!

— Кошмары снятся, — отмахнулся Лёша и повернулся на другой бок. — Спи давай.

Но Маша не спала. Она смотрела на кровать до самого утра.

Утром за завтраком Маша заметила, что Ева какая-то бледная. Совсем бледная, будто прозрачная. И смотрит она как-то... странно. Не по-детски, не весело, а будто изучает их.

— Ты заметил? — шепнула Маша брату.

— Что?

— Она бледная. И смотрит не так.

— Нормально смотрит, — Лёша пожал плечами, но в голосе его уже не было прежней уверенности. — Тебе кажется.

Днём Ева вела себя обычно. Гукала, улыбалась, тянула ручки к погремушкам. Но стоило кому-то из детей пройти мимо её кровати, она провожала их долгим, немигающим взглядом.

Маше становилось не по себе.

— Слушай, — сказала она Лёше вечером, когда они чистили зубы. — А может, это из-за того, что мы на неё всё время сваливаем? Ну, что мы врём, что это она всё ломает?

— Глупости, — отрезал Лёша, хотя внутри у него что-то ёкнуло. — Она маленькая, она не понимает. Откуда ей знать?

Но Маша чувствовала: что-то не так.

**
Часть шестая: Красный оскал.**

В ту ночь Лёша проснулся сам.

Сначала он не понял, что его разбудило. В комнате было тихо. Маша мирно сопела на нижней полке кровати. А кровать Евы стояла в углу.

И вдруг он услышал звук.

Странный, влажный, чавкающий звук. Будто кто-то... жуёт? Или ползёт?

Лёша приподнялся и глянул в сторону кровати.

Сердце его сначала пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле.

Ева не спала.

Она сидела в кровати.

Но Ева же еще не умела сидеть! Она ещё даже не ползала толком, только переворачивалась с боку на бок. А тут — сидела. Ровно, как кукла. И смотрела прямо на Лёшу.

Глаза её горели красным.

Настоящим, алым, как у монстра из самого страшного фильма.

И она улыбалась.

Но это была не детская улыбка. Это был оскал. Холодный, чужой, страшный.

— Ма-а-а-а-ма! — заорал Лёша так, что, кажется, задрожали стены.

Он спрыгнул с кровати и пулей вылетел в коридор, врезавшись плечом в косяк. Влетел в родительскую спальню, чуть не сбив с ног папу, который уже вскакивал с кровати.

— Что случилось?! Что?! Пожар?! — папа тряс Лёшу за плечи.

— Там... она... Ева... — Лёша трясся, как осиновый лист, и не мог связать двух слов.
— Глаза... красные... она сидит...

Мама уже бежала в детскую.

Через минуту она вернулась с сонной, совершенно нормальной Евой на руках. Ева терла глазки кулачками и хныкала — её разбудили среди ночи.

— Лёшенька, — мама присела рядом и погладила его по голове. — Милый, это просто страшный сон. Кошмар. С кем не бывает? Ты уже большой, но кошмары иногда приходят даже ко взрослым.

— Но я видел! — Лёша всхлипывал, но уже не так отчаянно. — Честно видел!

— Тебе показалось, — мягко сказал папа. — В темноте всякое может померещиться. Вон, тень от шторы упала, луна отсветила — вот и показалось.

Лёша кивнул, уткнулся в подушку и позволил себя уложить.

Но он не спал.

Он знал, что это был не сон.

Часть седьмая: Погоня.

Утром он рассказал всё Маше.

— Вот теперь ты мне веришь?! — воскликнула Маша. — Наконец-то! Я же говорила, что с ней что-то не так! Я не выдумываю!

— Верю, — мрачно кивнул Лёша. — Но что нам делать?

В этот момент из детской донёсся звук. Странный, быстрый, шуршащий.

Дети обернулись.

Из-за угла показалась Ева.

Она ползла.

Но не по-детски, неуклюже и медленно. Она неслась по полу, как ящерица — быстро, бесшумно, не отрывая от детей своих страшных красных глаз.

— А-а-а-а! — закричала Маша.

Ева прыгнула на неё, вцепившись маленькими ручками в ногу. Укус был не болезненный, но ледяной, будто кусочек льда прижали к коже.

Лёша оттащил сестру, схватил Машу за руку, и они бросились в коридор. Ева ползла за ними, и глаза её горели всё ярче.

— Мама! — закричали дети. — МАМА!

Но мама не отзывалась.

Они добежали до кухни — пусто. До спальни — пусто. Мама была дома, они слышали, как она ходит, но сейчас... сейчас её нигде не было.

— Бежим к тёте Вере! — закричал Лёша.

Часть восьмая: Мудрый совет.

Тётя Вера была соседкой с первого этажа, старенькой, доброй бабушкой, которая всегда угощала их пирожками и рассказывала истории. Они называли её второй бабушкой.

Они вылетели в подъезд, захлопнув дверь перед самым носом у ползущей Евы. Сбежали вниз по лестнице, даже не надев обувь. Позвонили в дверь.

Тётя Вера открыла не сразу, но когда увидела их перепуганные лица, сразу впустила внутрь.

— Деточки, что случилось? — всплеснула она руками. — На вас лица нет!

— Там Ева! — выпалила Маша. — Она... она ненормальная! Она ползает быстро и глаза у неё красные и она на нас нападает!

— И мама пропала! — добавил Лёша. — Мы не знаем, что делать!

Тётя Вера нахмурилась. Усадила их на диван, налила воды, подождала, пока они отдышатся.

— А скажите-ка мне, детки, — спросила она тихо. — Ничего плохого вы в последнее время не делали?

Дети переглянулись. И дружно замотали головами.

— Да нет, мы ничего...

— А может быть, — тётя Вера посмотрела им прямо в глаза, — вы ввали родителям? Маша и Лёша замерли.

— Ну... — протянул Лёша. — Было немножко.

— Мы не специально, — добавила Маша. — Просто мы случайно разбили лампу и вазу и ещё кое-что, а мама бы нас ругала, и мы сказали, что это Ева. Она же маленькая, её не ругают. А потом ещё несколько раз... Ну, чтобы нас не наказывали.

— А Ева, выходит, — тихо сказала тётя Вера, — за вас все эти дни отвечала. Чужие грехи на себя брала.

— Какие грехи? — не поняла Маша.

— Враньё — это тяжкий груз, деточки. Когда человек врёт, он искажает реальность. Он делает мир вокруг себя чуточку кривым. А когда врут долго и много — реальность ломается по-настоящему. — Тётя Вера покачала головой. — Вы перекладывали свою вину на маленькую сестрёнку, которая даже говорить не умеет. А она впитывала всё, как губка. Всю вашу ложь, всю вашу темноту. И теперь эта темнота выходит наружу.

— И что же нам делать?! — Маша заплакала. — Мы не хотели! Мы просто боялись!

— Вам надо найти маму. И рассказать ей всю правду. Всю-всю, без утайки. Только правда может это остановить.

— Но там Ева! Она нападает!

— А вы храбрые, — улыбнулась тётя Вера. — Вы сможете.

Дети переглянулись. Лёша сжал кулаки. Маша вытерла слёзы.

— Пошли, — сказал Лёша.

Часть девятая: Признание.

Они вышли от тёти Веры, поднялись на свой этаж. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносился странный шорох.

Лёша толкнул дверь.

В коридоре было пусто. Но из детской доносилось то самое чавканье.

— Мама! — закричала Маша. — МАМА, ТЫ ГДЕ?!

И вдруг из кухни вышла мама. Живая, настоящая, с чашкой чая в руках.

— Дети? — удивилась она. — А вы где были? Я вас обыскала! Ева проснулась, плачет, а вас нет...

— Мама! — Лёша бросился к ней. — Мама, прости нас! Это мы всё разбили! И лампу, и вазу, и сок пролили, и пульт сломали! Это не Ева! Мы ввали! Мы на неё всё сваливали, потому что боялись, что ты будешь ругать! Прости нас, пожалуйста!

— Мы больше никогда не будем врать! — рыдала Маша, вцепившись в мамину руку. — Никогда-никогда! Только верни Еву обратно! Она стала страшная, она на нас нападает, у неё глаза красные...

Мама смотрела на них круглыми глазами. Потом перевела взгляд в коридор.

Там, на полу, на своем коврик лежала Ева.

Обычная Ева. Розовощёкая, сонная, в смешной пижамке с зайчиками. Она терла глазки кулачком и тянула к маме ручки:

— Ма-ма-ма...

Мама шагнула к ней, подхватила на руки.

— Дети, — сказала она тихо. — Что за страшные сказки вы рассказываете? Ева как Ева. Сладко спала и проснулась.

Лёша и Маша подошли ближе. Ева посмотрела на них своими чистыми голубыми глазами и вдруг улыбнулась — той самой счастливой, заливистой улыбкой, за которую они её так любили.

— Всё хорошо, — прошептала Маша. — Она снова наша.

— А знаете что, дети? — мама присела на корточки, чтобы быть с ними на одном уровне. — Я обещаю вам одну очень важную вещь. Слушайте внимательно.

Она взяла их за руки.

— Я никогда, слышите, НИКОГДА не буду вас ругать за правду. Что бы вы ни сделали. Разбили, пролили, сломали, потеряли — говорите мне сразу. Может быть, я расстроюсь. Может быть, мне будет обидно за любимую вещь. Но я никогда не буду на вас кричать и наказывать. Потому что правда — это самое дорогое, что у нас есть. А ложь... ложь делает людей чужими.

— Мы поняли, — всхлипнул Лёша. — Честно-честно.

— Мы больше никогда не будем врать, — пообещала Маша. — Ни за что.

И Ева, будто поняв, о чём речь, радостно хлопала в ладошки и засмеялась.

А в комнате уже никто не вспоминал про красные глаза и странную погоню. Может, это был просто сон? А может — предупреждение.

Часть десятая: Поучительный вывод.

И знаете что?

С того дня Маша и Лёша действительно перестали врать. Не потому что боялись, а потому что поняли: ложь — это не просто слова. Это трещины. Сначала маленькие, почти незаметные. А потом они становятся глубже, шире, и в конце концов могут разрушить всё — доверие, любовь, даже самого близкого человека.

Ложь — как стекло.
Сначала оно блестит.
Потом оставляет царапины.
А потом разбивается.

И осколки могут поранить того, кто рядом.
Даже самого маленького.

Легче сказать правду сразу.
Даже если страшно.
Даже если стыдно.

Потому что правда лечит.
А ложь — ранит.

И если ты ошибся — просто скажи об этом.
Тебя поймут. Тебя простят.

Потому что даже если ты разбил мамину любимую чашку,
мама просто обнимет тебя и скажет:

— Чашку склеить нельзя.
А доверие — можно.

Мусорное чудовище.

История третья, в которой каждая брошенная вещь обретает голос.

Часть первая: Королевство хаоса.

В детской комнате всегда творился беспорядок.

Это был не просто беспорядок. Это было целое королевство хаоса, где фантики от конфет мирно соседствовали с потерянными носками, а конструктор валялся вперемешку с кукольной одеждой и огрызками яблок, которые кто-то «забыл» выбросить неделю назад.

Машу, Еву и Лёшу это вполне устраивало.

— Ну и что тут такого? — удивлялась Маша, когда мама заходила в комнату и хваталась за сердце. — Подумаешь, фантик валяется!

— Или носочек, — добавлял Лёша, пихая тот самый носочек под кровать ногой, чтобы мама не заметила.

— Или огрызок, — вторила Ева, хотя она была помладше и уже начинала копировать поведение старших.

Мама вздыхала. Мама хмурилась. Мама каждую неделю произносила одну и ту же речь:

— Дети, бардак — это не просто грязь. Это неуважение к своему дому. И к себе. Рано или поздно это плохо закончится.

— Да что может случиться? — пожимал плечами Лёша. — Максимум — мы что-нибудь потеряем.

— Или найдём, — хихикала Маша, вспоминая, как однажды они обнаружили под шкафом шоколадку, которую искали целый месяц. Правда, шоколадка была уже с каким-то белым налётом, но сам факт!

Мама только качала головой и уходила на кухню заваривать успокаивающий чай.

А дети продолжали жить в своём уютном царстве хаоса.

Часть вторая: Яблочная мумия.

Однажды мама решила сделать генеральную уборку. Она закатала рукава, надела перчатки и зашла в детскую с решительным видом.

— Всё! — объявила она. — Сегодня мы выбрасываем всё лишнее.

— Ура! — закричали дети, потому что они думали, что «выбросить лишнее» — это значит оставить только игрушки.

Мама начала с кроватей. Сдвинула кровать Евы, чтобы пропылесосить под ней — и замерла.

Из-под кровати на неё смотрел огрызок.

Но это был не просто огрызок. Это была целая яблочная мумия. Он пролежал там так долго, что успел сморщиться, почернеть и покрыться каким-то пушистым налётом, который подозрительно шевелился.

— Что. Это. Такое? — раздельно спросила мама голосом, от которого у детей похолодели пятки.

— Эээ... яблоко? — неуверенно предположил Лёша.

— Яблоко, которое я искала две недели назад! — вспомнила Маша. — Я думала, что его Ева съела!

— Я не ела! — возмутилась Ева.

— А кто его под кровать засунул? — мама прищурилась.

Повисла тишина. Лёша смотрел в потолок. Маша изучала узор на обоях. Ева вдруг заинтересовалась своим носком.

Мама вздохнула, завернула огрызок в три пакета и унесла в мусорку.

— Это было предупреждение, — сказала она загадочно.
Дети переглянулись и пожали плечами. Подумаешь, яблоко!

Часть третья: Носочное семейство.

Через несколько дней Маша потеряла свой любимый носок. Розовый, с блёстками и котиком. Она обыскала всю комнату — носок исчез.

— Мам, ты не видела мой носок?

— А ты под кроватью смотрела? — спросила мама.

— Там Лёша недавно убирался, — отмахнулась Маша.

Но через час носок нашёлся. И не где-нибудь, а за шкафом. В компании ещё трёх носков, двух маек и одной варежки, которая потерялась ещё прошлой зимой.

— Как они туда попали? — удивилась Маша.

— Сами, наверное, — хмыкнул Лёша. — Решили сбежать от нас.

— Очень смешно, — покачала головой мама, собирая носочное семейство. — Но я вас предупреждала.

— О чём? — не поняла Ева.

— О том, что бардак — это не просто куча вещей. Это место, где вещи начинают жить своей жизнью.

Дети снова переглянулись. Взрослые иногда говорят странные вещи.

Часть четвёртая: Чудовище из мусора.

И вот однажды вечером случилось то, чего никто не ожидал.

Был поздний вечер. Мама укладывала Еву спать, но Ева капризничала и не хотела засыпать, поэтому мама забрала её к себе в спальню. Лёша и Маша уже досматривали мультфильм в гостиной и готовились идти в свою комнату.

И вдруг из детской донёсся звук.

Сначала тихий — будто кто-то шебуршит фантиками.

Потом громче — будто кто-то перебирает конструктор.

А потом раздался грохот. Такой, что люстра в гостиной качнулась.

Дети подскочили. Мама выбежала из спальни:

— Вы чего там устроили?!

— Мы не там! Мы здесь! — закричал Лёша.

Все четверо замерли, глядя на дверь детской. Из-за неё доносилось тяжёлое, влажное дыхание. И шорох. Множество шорохов сразу.

— Дети, быстро ко мне! — скомандовала мама, но Лёша уже схватил бейсбольную битку, которую ему подарили на день рождения, и решительно шагнул к двери.

— Лёша, стой! — закричала мама, но было поздно.

Лёша толкнул дверь.

И замер.

В комнате было чудовище.

Оно занимало почти всё пространство от пола до потолка. Оно было слепо из всего, что дети когда-либо бросали, теряли и забывали.

Тело чудовища состояло из старых фантиков — они шелестели и переливались в лунном свете. Руки были сплетены из потерянных носков — они тянулись к детям, как щупальца осьминога. Голова представляла собой огромный комок пыли, в котором торчали огрызки, огрызки смотрели на детей чёрными глазницами. А глаза чудовища были сделаны из двух пуговиц от старой рубашки — и эти пуговицы горели зелёным светом.

Из пасти чудовища торчали старые фломастеры — они шевелились, как зубы. И всё это существо дышало — тяжело, влажно, с присвистом.

— МАМА! — заорала Маша.

Но мама... мама не могла войти. Дверной проём словно затянуло мутной плёнкой, и мама билась в неё, но не могла пробиться. Её голос доносился глухо, будто через вату:

— Дети! Дети, я не могу... я не могу войти! Что происходит?!

— Это из-за бардака! — вдруг крикнула Ева. — Ты же говорила! Ты говорила, что плохо будет!

— Мы поняли! — заорал Лёша. — Мы всё поняли, мы больше не будем!

Но чудовище не слушало извинений. Оно шагнуло вперёд, и пол под ним застонал.

Часть пятая: Битва с чудовищем.

Лёша взмахнул битой и со всей силы ударил чудовище по ноге.

Нога разлетелась на куски! Фантики брызнули в стороны, носки разлетелись по углам, пыль поднялась столбом.

— Ага! — закричал Лёша. — Получилось!

Но радовался он рано.

Куски чудовища на полу зашевелились. Они поползли друг к другу, соединяясь, срастаясь, и через несколько секунд нога восстановилась, став даже толще, чем была.

— Оно собирается обратно! — в ужасе закричала Маша.

Чудовище засмеялось. Страшным, шелестящим, фантиковым смехом.

— Ваше... — прошелестело оно. — Всё ваше... Вы бросили... Я собрал... Теперь вы — моё...

И оно шагнуло к детям.

— Что делать?! — закричала Маша.

И тут Ева, самая маленькая, самая сообразительная, вдруг выпалила:

— Мусорка! Нужно выбрасывать! Чтобы оно не собралось!

— Точно! — Лёша понял мгновенно. — Маша, Ева — тащите большое мусорное ведро! Быстро!

Девочки рванули на кухню. Лёша остался один на один с чудовищем.

— Ну давай, — прошептал он, сжимая биту. — Посмотрим, как тебе понравится, когда тебя выкинут.

Чудовище зарычало и бросилось на него.

Лёша уворачивался, бил, отбивал куски — руки, ноги, куски туловища. Чудовище разваливалось, но тут же начинало собираться. Лёша уже выбивался из сил, когда в комнату вбежали Маша и Ева с огромным мусорным ведром.

— Давай! — закричала Маша.

Лёша с размаху отбил кусок чудовища — здоровенный комок фантиков и пыли. Маша подхватила его и швырнула в ведро. Ева накрыла крышкой.

Кусок завозился внутри, зашуршал — и затих.

— Работает! — закричала Ева.

И началась битва.

Лёша бил битой, откалывая куски. Маша и Ева хватали их и бросали в ведро. Чудовище ревели, разваливалось, пыталось собраться, но кусков становилось всё меньше.

— Ещё! — кричал Лёша.

— Есть! — отвечала Маша.

— Давай сюда!

— Держи!

Они сражались, как настоящая команда. Лёша отбил руку из носков — девочки в ведро. Отбил голову — в ведро. Отбил ногу — в ведро.

Чудовище становилось всё меньше, всё тише, всё слабее.

И наконец, последний кусок — огромный пыльный ком с двумя пуговицами — полетел в ведро.

Ева с грохотом захлопнула крышку.

Тишина.

Только тяжёлое дыхание детей и шуршание внутри ведра, которое быстро затихало.

Часть шестая: Победа.

— Мы... мы победили? — прошептала Маша.

— Кажется, да, — выдохнул Лёша и опустился на пол.

— Вот это да! — Ева смотрела на ведро круглыми глазами. — Оно правда было настоящее!

— И оно больше не соберётся? — спросила Маша.

— Не должно, — Лёша постучал по ведру. — Если мы его правильно выбросим.

В этот момент мутная плёнка в дверях исчезла, и в комнату влетела мама.

— Дети! Дети, вы целы?! — она обнимала их, ощупывала, целовала. — Что это было?! Я не могла войти, я слышала крики, но дверь была как каменная!

— Мама, мы победили чудовище, — серьёзно сказал Лёша. — Оно было из нашего мусора.

— Из фантиков и носков, — добавила Маша.

— И из огрызков, — кивнула Ева. — У него глаза были как пуговицы.

Мама посмотрела на ведро. Потом на комнату — чистую, пустую, без единой соринки.

Во время битвы весь мусор собрался в чудовище, и теперь пол сиял.

— Я же говорила, — тихо сказала мама. — Говорила вам...

— Мы знаем, — перебили её дети хором. — Мы всё поняли.

— Честно-честно, — добавил Лёша. — Я теперь каждую ночь буду проверять, нет ли под кроватью мусора.

— И я, — кивнула Маша.

— И я! — подпрыгнула Ева.

— А с этим что делать? — мама кивнула на ведро.

Дети переглянулись.

— Вынести на помойку, — твёрдо сказал Лёша. — Прямо сейчас. И проследить, чтобы его забрала мусорка.

— Правильно, — улыбнулась мама.

Они вышли во двор всей семьёй. Ночь была тёплая, звёздная. Лёша нёс ведро, как трофей. Маша и Ева шагали рядом. Мама держала их за руки.

У мусорных баков Лёша остановился, заглянул в ведро. Оттуда на него смотрели две пуговицы — теперь просто пуговицы, без зелёного света.

— Пока и не возвращайся, — сказал Лёша и высыпал содержимое в бак.

Пуговицы звякнули о металл и затихли.

— Ну всё, — выдохнула Маша. — Теперь точно всё.

— А знаете что? — сказала Ева, когда они шли обратно к подъезду. — Мне даже нравится, когда чисто.

— Правда? — удивился Лёша.

— Правда. В чистой комнате дышится легче. И чудовищ нет.

Мама засмеялась и обняла их всех сразу.

— Вот видите, — сказала она. — Иногда, чтобы понять простые вещи, нужно столкнуться с чем-то необычным.

— Или с чудовищем из фантиков, — хмыкнул Лёша.

— Или с ним, — согласилась мама.

Часть седьмая: Поучительный вывод.

И знаете что?

С той ночи в детской комнате всегда было чисто.

Не потому, что мама заставляла. А потому, что дети сами поняли: каждая брошенная вещь — это не просто мусор. Это кусочек твоего дома, который ты перестаёшь уважать. А если не уважать свой дом — он может однажды ответить.

И не всегда так же безобидно, как потерянным носком.

Иногда — чудовищем.

Но самое главное, что дети поняли: вместе можно справиться с любой бедой. Даже если эта беда собрана из твоего собственного мусора.

Каждая вещь в доме — как гость.
Она приходит к тебе, чтобы служить.
А если ты её выбрасываешь, не думая, —
она запоминает.

Мусор — это не просто грязь.
Это голоса забытых вещей.
И если их слишком много —
они могут заговорить.

Вместе.

Убирай за собой.
Цени каждую вещь.
Не бросай на пол то, что можно убрать.

Потому что однажды —
это может прийти за тобой.

А мама теперь, заходя в детскую, не хваталась за сердце. Она улыбалась и говорила:

— Какая красота! Вы у меня такие молодцы!

И эти слова были лучшей наградой.

Потерянное время .

История четвёртая, в которой минуты превращаются в вечность.

Часть первая: Обычный день, который перестал быть обычным.

Мама стояла у школьного крыльца и считала про себя вдохи.

Раз. Два. Три.

На улице было холодно. Не то чтобы очень на первый взгляд, но когда стоишь на одном месте уже двадцать минут, холод пробирается под куртку, забирается в рукава и начинает там противно шевелиться.

— Ма-ам, — протянула Ева, дёргая маму за руку. — А когда Маша выйдет?

— Скоро, доченька.

— Ты это уже десять раз сказала.

— Значит, скажу в одиннадцатый.

Ева вздохнула так тяжело, будто несла на плечах все школьные рюкзаки мира. Она присела на корточки и принялась рисовать палочкой на замёрзшей земле. Палочка ломалась, земля не поддавалась, и настроение у Евы стремительно падало вниз, как температура за окном.

Мама смотрела на часы.

Стрелки двигались издевательски медленно. Казалось, они специально тянут время, чтобы позлить уставших родителей. Все дети давно вышли. Школьный двор опустел, только редкие мамы с колясками проходили мимо, да голуби деловито клевали что-то у скамейки.

— Ма-ам, — снова заныла Ева. — Я замёрзла.

— Я знаю, милая.

— И кушать хочу.

— Я понимаю.

— И вообще, почему Маша так долго?

Мама не ответила. Она смотрела на двери школы и пыталась успокоить внутреннего дракона, который просыпался в ней каждый раз, когда кто-то опаздывал.

Наконец, когда мама уже собралась идти в школу сама, двери распахнулись.

Оттуда вылетели Маша и её лучшая подруга Софа. Они хохотали так громко, что голуби испуганно взлетели и скрылись в неизвестном направлении. Девочки были красные, потные и абсолютно счастливые.

— Мама, привет! — закричала Маша, подбегая. — А мы там такое обсуждали! Такое! Ты не представляешь!

— Я представляю, — ледяным голосом сказала мама. — Маша, ты вообще видела сколько времени?

— А что? — Маша удивилась так искренне, будто её спросили сколько километров до Луны.

— Мы стоим здесь с Евой уже полчаса! — мама говорила громче чем хотела, но дракон внутри уже разевал пасть. — Полчаса на холоде! Ева замёрзла, есть хочет, а нам ещё на рисование идти, и домой забежать надо переодеться, и пообедать!

— Ну ма-ам, — протянула Маша. — Мы просто одевались.

— Одевались? — мама прищурилась. — Полчаса?

— Ну да, — встряла Софа, сияя улыбкой. — Там же очередь в гардероб! Все толкаются, мы еле пробилась!

— И болтали, — добавила Ева ядовито.

Маша и Софа переглянулись и прыснули.

— Ладно, идём, — мама сдалась. — Потом поговорим.

Часть вторая: Разговор по дороге.

— Ну почему вечно надо куда-то спешить? — бурчала Маша. — Только из школы вышли — и сразу на рисование. А потом домой уроки делать. А потом спать. А потом снова в школу. И так каждый день!

— Потому что так устроена жизнь, — устало ответила мама.

— А должна быть устроена по-другому! — Маша разошлась не на шутку. — Вот хотим мы с Софой просто посидеть и поговорить! Это же важно! Это же дружба!

— Я понимаю, — мама остановилась и посмотрела на дочь. — Правда понимаю. Дружба — это важно. Очень важно.

— Ага, — кивнула Маша, ожидая подвоха.

— Но знаешь что ещё важно? — мама присела на корточки, чтобы быть с Машей на одном уровне. — Время. Каждая минута. Ты сейчас не ценишь время, потому что его у тебя много. Кажется, что его всегда будет навалом. А на самом деле...

— Что на самом деле?

— На самом деле время — это единственное, что нельзя вернуть, — тихо сказала мама. — Конфету можно купить новую. Игрушку — починить. А минуту, которая прошла — не вернёшь никогда.

Маша задумалась. Но ненадолго.

— Всё равно, — буркнула она. — Вы, взрослые, просто забыли, как это — хотеть побыть с подругой.

— Не забыли, — мама вздохнула. — Просто мы знаем, что иногда за одну минуту может случиться что-то важное. А иногда — случиться что-то страшное.

— Ой, мам, вечно ты всё драматизируешь, — отмахнулась Маша и побежала догонять Еву, которая уже ушла далеко вперёд.

Мама посмотрела на часы и покачала головой.

Она ещё не знала, как скоро её слова обернутся самой настоящей правдой.

Часть третья: И снова они опаздывают.

На следующий день история повторилась.

Мама с Евой снова стояли у школьного крыльца. Снова дул холодный ветер. Снова Ева дёргала маму за руку и ныла.

— Ма-ам, ну где она?

— Не знаю, доченька.

— Может, её похитили?

— Не говори глупостей.

— А вдруг?

— Ева, пожалуйста, помолчи минуту. Мне нужно подумать.

Мама действительно пыталась думать, но мысли путались. Она уже видела, как вышли Саша, Роберт и Илья — одноклассники девочек. Она подошла к ним:

— Ребята, вы Машу с Софой не видели?

— Видели, — кивнула Саша. — Они в раздевалке были, когда мы уходили.

— И что они делали?

— Болтали, — фыркнул Роберт. — Они всегда болтают. Их не оторвать.

— А потом?

— А потом мы ушли, — пожал плечами Илья. — Они остались.

Мама посмотрела на часы. Прошло уже сорок минут после звонка. Она достала телефон и набрала Машу.

— Абонент временно недоступен, — сказал бездушный голос.

— Чёрт, — выдохнула мама.

— Мама ругается! — радостно сообщила Ева проходящей мимо бабушке.
Мама набрала Софу. То же самое.

— Так, — сказала мама самой себе. — Спокойно. Наверное, они просто сели в раздевалке и заболтались. Сейчас я зайду и...

Она вошла в школу.

В раздевалке было пусто. Куртки висели на крючках, сменка стояла на полу. Машиной куртки не было. Софиной — тоже.

— Странно, — пробормотала мама.

— Маша! — крикнула мама. — Софа!

— Они не выходили, я их не видел! — сказал охранник, который буквально знал каждого ребёнка в лицо.

Мама вышла на улицу. Ева уже приплясывала от холода.

— Ну что?

— Их нет, — растерянно сказала мама. — Совсем нет.

— Я же говорила — похитили! — обрадовалась Ева.

— Помолчи, — мама снова набрала Машу и тихо произнесла. — Абонент временно недоступен.

— Абонент временно недоступен, — передразнила Ева. — Скучно.

— Ева, пожалуйста.

— А что «пожалуйста»? Я есть хочу. И пить. И в туалет.

Мама закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Где же они?

Часть четвёртая: Где-то в другом времени.

А в это самое время Маша и Софа сидели в самом укромном месте, которое только смогли найти — за старой школьной сценой в актовом зале, где хранились сломанные стулья и старые декорации.

Им было тепло. Уютно. И абсолютно, совершенно замечательно.

— Представляешь, — щебетала Софа, — а моя мама опять начала: «Быстрее, быстрее, мы опаздываем!» Куда мы опаздываем? Опять на занятия? Да они же каждый день! Никуда не денутся!

— А моя вчера целую лекцию прочитала про время, — хмыкнула Маша. — Что время нельзя вернуть, что каждая минута важна... Скучотища!

— Взрослые такие скучные, — согласилась Софа. — Они забыли, как это — просто сидеть и болтать.

— И смеяться.

— И дурачиться.

— И ничего не делать!

Девочки переглянулись и захихикали. Им было так хорошо вместе! Так легко и свободно! Никто не дёргал, не торопил, не говорил: «Быстрее, собирайся, мы опаздываем!»

— А давай ещё посидим? — предложила Маша.

— А вдруг нас искать будут?

— Пусть ищут. Мы же недалеко.

— А если мама ругаться будет?

— Будет — тогда и подумаем, — отмахнулась Маша. — Сейчас же нам хорошо. Правда?

— Правда, — улыбнулась Софа.

И они сидели дальше. И болтали. И смеялись.

Пока не заметили, что стало как-то... слишком тихо.

— Слышишь? — насторожилась Софа.

— Что?

— Ничего. Совсем ничего.

Маша прислушалась. Обычно в школе всегда был какой-то фон — гул голосов, шаги, хлопание дверей, смех из спортзала. А сейчас — тишина. Звонкая, ватная, абсолютная.

— Странно, — сказала Маша. — Пойдём посмотрим?

Девочки выбрались из своего укрытия и выглянули в коридор.

Коридор был пуст.

Совсем пуст.

— Куда все делись? — прошептала Софа.

— Не знаю. Может, на улицу вышли?

Они подбежали к окну, выходящему во двор. Там тоже было пусто. Ни детей, ни родителей, ни учителей. Даже голуби исчезли.

— Ма-а-ам, — позвала Маша для проверки.

Тишина.

— Софа, — Маша схватила подругу за руку. — Мне страшно.

— Мне тоже.

И тут Софа посмотрела на свои часы.

— Маша... — голос её дрогнул. — Посмотри на часы.

Маша глянула на часы, которые висели в школе.

Стрелки стояли на месте.

— Они сломались? — спросила Маша.

— У меня тоже, — прошептала Софа, показывая свои. — И у тебя, наверное.

Маша поднесла к глазам свои часики — подарок на день рождения. Стрелки замерли ровно на том же времени.

— Это... это что значит? — Маша почувствовала, как холодок пробежал по спине.

А потом случилось неожиданное.

Софа вдруг широко улыбнулась.

— Это значит, что мы никуда не опаздываем! — воскликнула она. — Время остановилось! Мы можем играть сколько захотим!

— Точно! — Маша засветилась ответной улыбкой. — Мы свободны! Никакой мамы, никакой рисовалки, никаких «быстрей-быстрей»!

— Ура-а-а!

Девочки выбежали в коридор и понеслись по пустой школе. Они забегали в классы, сидели за учительский стол и строили рожицы. Они носились по спортзалу, крича так громко, что уши закладывало. Они залезли в столовую и набрали себе компотов — компоты были тёплые и странные на вкус, но это же неважно когда весело!

— А теперь в прятки! — закричала Софа.

— Давай!

Они играли, пока не выдохлись. Бегали, пока не устали. Смеялись, пока не заболели животы.

А потом Маша остановилась посреди коридора и сказала:

— Соф, я пить хочу.

— А я есть, — призналась Софа. — Очень.

— И в туалет, — добавила Маша.

— И я.

Они зашли в туалет. Вода из крана текла — холодная, обычная. Напились. А вот с едой была проблема: буфет был закрыт, а бутерброды, которые они взяли с утра, давно кончились.

— Ну ничего, — бодро сказала Софа. — Сейчас мама придёт, и мы поедим.

— Точно, — кивнула Маша. — Она же нас ищет.

Она достала телефон.

— Нет сети, — сказала она удивлённо.

— И у меня нет, — Софа потрясла своим смартфоном. — Вообще ничего.

— Странно.

Они вышли на крыльцо. Пустота. Ни звука. Ни движения.

— Мама! — крикнула Маша. — МАМА!

Эхо заметалось между домами и затихло.

— Ева! — крикнула Маша. — Лёша!

Тишина.

— Мне страшно, — прошептала Софа.

И вдруг они услышали звук.

Плач.

Тихий, жалобный, детский плач, доносившийся откуда-то из глубины школы.

Девочки переглянулись.

— Там кто-то есть, — сказала Маша.

— Может, не ходить?

— А вдруг ему помощь нужна?

Они взялись за руки и пошли на звук.

Часть пятая: Мальчик, потерявший время.

Плач привёл их в библиотеку.

Там, в самом дальнем углу, между стеллажами, сидел мальчик. Лет восьми, в школьной форме, которая была ему явно великовата. Он обхватил колени руками и раскачивался взад-вперёд, уткнувшись лицом в коленки.

— Эй, — осторожно позвала Маша. — Ты чего плачешь?

Мальчик поднял голову.

Лицо у него было бледное, глаза красные, а под глазами — тёмные круги, будто он не спал сто лет.

— Вы... вы меня видите? — прошептал он.

— Конечно видим, — удивилась Софа. — Ты же тут сидишь.

Мальчик вскочил.

— Вы настоящие?! — закричал он. — Вы не исчезаете?! Я не один?!

Он бросился к ним и обнял так крепко, что Маша охнула.

— Ты чего? — растерялась она. — Ты кто вообще?

Мальчик отстранился, вытер слёзы рукавом и попытался улыбнуться. Улыбка получилась кривая и жалкая.

— Я Коля, — сказал он. — Я учусь в этой школе. Учился. То есть...

— То есть? — переспросила Софа.

Коля глубоко вздохнул и начал рассказывать.

— Это случилось... я даже не знаю когда. Давно. Очень давно. Я тоже, как вы, не хотел уходить из школы. Мама всегда торопила, всегда говорила «быстрее-быстрее», а мне так хотелось побыть с друзьями, поиграть, поболтать... И однажды я спрятался. Вон в том шкафу, — он показал на старый платяной шкаф в углу библиотеки. — Сидел там, ждал, пока все уйдут, чтобы потом свободно погулять по школе.

Он замолчал, и в глазах его появилась такая тоска, что Маше захотелось его обнять.

— И что было дальше? — тихо спросила она.

— Я просидел в шкафу дольше, чем планировал. Заснул, наверное. А когда вышел... школы не было. То есть школа была, а людей — нет. Все исчезли. И время остановилось.

— И ты здесь... один? — ахнула Софа.

— Один, — кивнул Коля. — Очень-очень давно. Я уже сбился со счёта, сколько дней прошло. Может, неделя. Может, год. Может, десять лет. Здесь всегда одно и то же. Тишина. Пустота. И никак не выбраться.

— А как же твоя мама? — спросила Маша, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

Коля опустил голову.

— Я её больше никогда не видел, — прошептал он. — Я так скучаю по ней... И по папе... И по собаке нашей... Я всё бы отдал, чтобы просто услышать мамин голос. Даже если бы она ругалась. Даже если бы кричала «быстро собирайся, мы опаздываем»... Я бы всё стерпел, лишь бы она была рядом.

Он снова заплакал, и на этот раз Маша не выдержала — обняла его.

— Мы поможем тебе, — твёрдо сказала она. — Мы найдём выход. Вместе.

— Точно, — подхватила Софа, хотя в голосе её не было уверенности. — Вместе мы справимся.

Коля поднял на них мокрые глаза.

— Правда?

— Правда, — кивнула Маша. — Пошли искать.

Часть шестая: Поиски выхода.

Они бродили по пустой школе, наверное, целую вечность.

Шаги гулко отдавались в пустых коридорах. Классы стояли открытые, доски чистые, парты ровные — будто все исчезли прямо во время урока.

— Здесь я был, — устало говорил Коля, когда они проходили мимо спортзала. — И здесь был. И в столовой. Везде был. Выхода нет.

— Не может быть, чтобы выхода не было, — упрямо твердила Маша. — Должен быть способ.

— Мы уже всё обыскали, — вздыхал Коля.

— А может, не всё?

Они зашли в вестибюль. Большие часы над гардеробом всё так же показывали половину второго.

— Смотрите, — вдруг сказала Софа, глядя на них. — А если всё дело в часах?

— В смысле? — не поняла Маша.

— Ну смотри. Время остановилось. Мы все здесь застряли. А часы стоят. Может, если их запустить...

— То время пойдёт дальше! — подхватила Маша. — И мы сможем выйти!

— А давайте попробуем! — оживился Коля. Впервые за долгое время в его глазах появилась надежда.

Они подбежали к часам. Огромные, старинные, с тяжёлыми стрелками и круглым маятником, который замер мёртвым грузом.

— Как их запустить? — растерялась Софа.

— Нужно маятник качнуть, — сообразил Коля. — Я в книжке читал. Если маятник остановился, его надо рукой толкнуть.

— Давай!

Лёша, если бы он был здесь, точно нашёл бы способ получше, но Лёши не было. Был только Коля, Маша и Софа. И огромные часы.

Коля подпрыгнул, ухватился за маятник руками и повис на нём.

Маятник качнулся. Раз. Два. Три.

И вдруг часы ожили.

Стрелки дёрнулись и поползли дальше. Сначала медленно, потом быстрее. Маятник заходил ходуном, отбивая секунды.

А вместе с ними ожила школа.

В коридорах зазвучали голоса. Захлопали двери. Зашумели дети.

— Получилось! — закричала Софа. — Получилось!

— Смотрите! — Маша показала на окно.

За окном, на школьном дворе, появились люди. Родители с детьми, прохожие с собаками, машины на дороге — всё вернулось на свои места.

— Мы дома! — Коля заплакал, но на этот раз от счастья. — Мы вернулись!

— Бежим! — закричала Маша.

Они вылетели на крыльцо, и первое, что увидели — маму с Евой.

Мама стояла у крыльца, бледная, с телефоном в руке. Увидев Машу, она сначала замерла, а потом бросилась к ней.

— Маша! Маша, где ты была?! — она обнимала дочь так крепко, будто боялась, что та снова исчезнет. — Я обыскалась! Я...

— Мама, прости, — Маша тоже обнимала её и плакала, и смеялась одновременно. — Прости меня, пожалуйста. Я больше никогда не буду прятаться. Никогда!

— Девочка моя...

— Мама, — Маша отстранилась и посмотрела маме в глаза. — Ты была права. Время — это самое важное. Каждая минута. Я поняла. Я всё поняла.

Рядом Софа обнимала свою маму, и та гладила её по голове и приговаривала:

— Ну что ж ты так? Ну как же так? Мы же волнуемся!

— Мамочка, прости меня, — всхлипывала Софа.

А чуть поодаль стоял Коля.

Он смотрел на всех этих людей, на мам, обнимающих дочек, и глаза его наполнились слезами. Но уже не горькими — светлыми.

— Мама, — прошептал он.

И вдруг из толпы выбежала женщина.

— Коля! — закричала она. — КОЛЯ!

Она упала перед ним на колени, схватила за плечи, прижала к себе.

— Мальчик мой! Я думала, что потеряла тебя навсегда! Я думала, ты... ты...

— Мама, — Коля обнимал её изо всех сил. — Мамочка, я здесь. Я вернулся. И я больше никогда-никогда не буду прятаться. Честное слово.

— Коля, — мама плакала и смеялась одновременно, совсем как Машина мама минуту назад. — Где ты был? Целый час! Я обыскалась!

— Целый час? — переспросил Коля удивлённо.

— Да! Я тебе дозвониться не могла! Ты телефон отключил?!

Коля посмотрел на Машу. Маша на Софу.

Целый час.

А им казалось — вечность.

— Мам, — тихо сказал Коля. — Я потом расскажу. Это долгая история. Очень долгая. Но главное — я тебя люблю. И я никогда не хочу тебя терять.

— И я тебя, сынок, — мама поцеловала его в макушку. — И я тебя.

Часть седьмая: Семья.

В тот вечер Маша, Лёша и Ева сидели на кухне и пили чай с мамиными булочками. Мама смотрела на них и улыбалась.

— Знаешь, мам, — сказала Маша, откусывая булочку. — Я сегодня поняла одну очень важную вещь.

— Какую?

— Время — оно правда дороже всего. Его нельзя купить. Нельзя вернуть. Нельзя остановить.

— Кроме тех случаев, когда оно останавливается само, — вставил Лёша, которому Маша уже успела шепнуть всю историю.

— Но это же сказка, — улыбнулась мама.

— А вдруг нет? — задумчиво сказала Маша.

— В любом случае, — мама погладила её по голове, — я рада, что ты это поняла.

— Я поняла ещё кое-что, — Маша посмотрела на маму серьёзными глазами. — Что каждая минута, проведённая с тобой, с папой, с Лёшей, с Евой — это подарок. Даже если мы просто сидим и чай пьём. Даже если ты меня ругаешь за опоздание. Потому что... потому что вы есть. И это главное.

Мама вдруг почувствовала, что у неё защипало в глазах.

— Иди сюда, — сказала она и обняла всех троих сразу. — Мои хорошие.

— А меня? — раздался голос из коридора.

Папа стоял в дверях с пакетом продуктов и улыбался.

— И тебя, — засмеялась мама. — Иди сюда, папа.

Глава девятая: Поучительный вывод.

И знаете что?

С того дня Маша больше никогда не опаздывала. Она ценила каждую минуту, проведённую с семьёй, с подругами, с теми, кто ей дорог. Потому что она поняла: время — это не бесконечная река, а хрупкая нить, которая может оборваться в любой момент.

Время — единственное, что нельзя вернуть.
Его нельзя купить, нельзя остановить, нельзя повернуть назад.

Каждая минута, проведённая с теми, кого ты любишь, — бесценна.
Каждое «я тебя люблю», сказанное вовремя, — важно.
Каждое объятие, которое ты не отложил на «потом», — согревает.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.
Не прячься от тех, кто тебя ждёт.
Не забывай, что время идёт.

И если тебе кажется, что ты никуда не торопишься —
остановись и посмотри на часы.

Возможно, они уже стоят.
И ждут, когда ты их запустишь.

Потому что счастье — это не когда у тебя много времени.
Счастье — это когда есть с кем его провести.

И каждая минута этого счастья — на вес золота.

Тайна старого шкафа.

История пятая, в которой даже самые уютные места таят опасность.

Часть первая: Обычный день, который перестал быть обычным (снова).

Маша и Ева обожали играть в прятки.

Это была их любимая игра с самого раннего детства. Когда мама и папа были дома, они играли всей семьёй — и это было настоящее счастье. Папа всегда прятался так хитро, что его находили последним, а мама делала вид, что не видит детей, хотя те хихикали за шторой так громко, что было слышно даже на улице. Лёша, конечно, считал себя слишком взрослым для таких игр, но стоило начать веселью — и он включался, потому что на самом деле любил эту семейную традицию.

Но сегодня мамы и папы не было дома. Уехали по делам и оставили детей на Лёшу.

— Лёша, пойдёшь с нами играть в прятки? — подбежала к нему Ева, сияя надеждой.

Лёша сидел за компьютером, увлечённо нажимая на кнопки в какой-то игре.

— Ага, сейчас, — буркнул он, не отрываясь от экрана. — Бегу и падаю.

— Ну Лёсик!

— Я занят, — отрезал он. — Играйте сами. Вы уже большие.

Ева обиженно надула губы и поплелась к Маше.

— Он не идёт, — сообщила она сестре.

— Ну и ладно, — Маша махнула рукой, хотя в глубине души тоже расстроилась. — Вдвоём тоже весело. Давай ты первая прячешься?

Ева заулыбалась и побежала искать укрытие.

Маша закрыла глаза и начала считать:

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался — я не виновата!

Она открыла глаза и прислушалась. Из папиного кабинета доносилось сдвоенное хихиканье.

— Ева, ты что, под столом? — крикнула Маша.

Тишина. Потом снова хихиканье.

Маша зашла в кабинет. Папин рабочий стол был огромным, старым, с тяжёлой дубовой столешницей. Под ним, скорчившись в три погибели, сидела Ева и зажимала рот ладошками, чтобы не смеяться.

— Нашла! — закричала Маша.

— Ну как ты так быстро?! — возмутилась Ева, вылезая из-под стола. — Я же тихо сидела!

— Ты хихикала, — засмеялась Маша. — Тебя за километр слышно.

Мимо них, виляя хвостом, прошла Качоси — маленькая собачка, которую они все обожали. Качоси была девочкой, очень активной и любопытной. Она сунула свой мокрый нос под стол, обнюхала место, где только что сидела Ева, и вопросительно посмотрела на девочек.

— Ты тоже хочешь играть? — спросила Ева.

Качоси твякнула и завертелась на месте.

— Ну какие прятки с собакой? — покачала головой Маша. — Она же по запаху найдёт.

— Жалко, — вздохнула Ева.

На своём лежаке в углу гостиной мирно посапывал Лу — маленький пушистый пёс, мальчик, который мог спать сутками. Его даже обедом иногда было сложно разбудить. Уж он-то точно не собирался участвовать в прятках.

— Ладно, — сказала Маша. — Теперь я прячусь. А ты считай.

— Давай!

Ева закрыла глаза и принялась считать вслух, а Маша заметалась по квартире в поисках надёжного укрытия.

И тут её взгляд упал на сушилку для белья.

Она стояла в углу прихожей, и на ней висели свежевystиранные длинные полотенца — мамины любимые, с узорами. Они свисали почти до пола, создавая идеальный шатёр.

Маша юркнула за полотенца и присела на корточки. Сердце колотилось от предвкушения. Сквозь щель между полотенцами она видела, как Ева закончила считать и вышла на поиски.

— Ма-а-а-ша! — позвала Ева. — Где ты?

Тишина.

Ева прошла в гостиную, заглянула под диван, проверила за шторой, открыла шкаф в коридоре.

— Ма-а-а-ша!

Маша сидела тихо, как мышка, и улыбалась. Ева проходила мимо сушилki раз, другой, третий — и ничего не замечала.

— Ну где же ты? — причитала Ева. — Я везде посмотрела! Маша, выходи, я сдаюсь!

Маша чуть не хихикнула, но сдержалась.

Ева обошла квартиру по кругу ещё раз. Заглянула даже в ванную и в туалет. Потом подошла к Лёшиной комнате и постучала.

— Лёша, ты не видел Машу?

— Нет, — буркнул он из-за двери. — И не мешай.

— Но я не могу её найти!

— Ищи лучше.

— Я уже везде искала!

Лёша тяжело вздохнул, встал из-за компьютера и вышел в коридор. Окинул взглядом прихожую и сразу заметил торчащий из-под полотенца Машин носок.

— Эй, мелочь, — крикнул он, обращаясь к Еве. — Посмотри-ка под сушилкой.

Ева подбежала, отодвинула полотенце и закричала:

— А-а-а, вот ты где!

Маша вылезла, красная и взлохмаченная, и сердито посмотрела на брата.

— Это нечестно! Ты подсказал!

— Ну и что? — Лёша пожал плечами. — Вы меня достали уже своим писком.

— Тогда я прячусь снова! — заявила Маша. — И ты не подсказываешь!

— Да пожалуйста, — отмахнулся Лёша и ушёл обратно в комнату.

Часть вторая: Запретная дверь.

Маша задумалась. Где бы спрятаться так, чтобы её точно не нашли? Ева хоть и маленькая, но уже научилась искать получше. Нужно место потайное, такое, куда никто не додумается заглянуть.

И тут её взгляд упал на дверь родительской спальни.

А в спальне стоял ОН.

Старинный шкаф.

Огромный, дубовый, с резными дверцами и тяжёлыми медными ручками. Этот шкаф достался им от прабабушки, и мама всегда говорила, что это семейная реликвия. А ещё мама всегда строго-настрого запрещала в него заглядывать.

— Там хранятся старые вещи, — говорила она. — Очень хрупкие и дорогие сердцу. Не смейте его открывать, понятно?

Дети кивали, но, конечно, иногда поглядывали на шкаф с любопытством. Что там внутри? Какие тайны хранят его полки?

— Мама же не узнает, — прошептала Маша самой себе. — Мы быстро. Я только залезу и вылезу. Ева меня не найдёт, а потом я выберусь, и всё будет хорошо.

Она оглянулась. Ева стояла в коридоре спиной к ней и честно закрыла глаза ладошками.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... — считала Ева. Маша на цыпочках прокралась в спальню, подошла к шкафу и дёрнула ручку.

Дверца не поддавалась.

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

Маша дёрнула сильнее. Что-то щёлкнуло, и дверца приоткрылась. Замок, который казался надёжным, на самом деле был старым и расшатанным.

— Двадцать! — крикнула Ева. — Я иду искать!

Маша влезла внутрь и прикрыла за собой дверцу.

Внутри пахло нафталином и старыми вещами. Было темно, но сквозь щель в дверце пробивалась тонкая полоска света. Маша прижалась к задней стенке и затаила дыхание.

Сначала всё было хорошо.

Она слышала, как Ева ходит по квартире, открывает двери, зовёт её. Голос сестры то приближался, то удалялся.

— Ма-а-аша! Где ты? Выходи!

Маша улыбнулась в темноте. Не найдёт.

Но вдруг произошло странное.

Дверца захлопнулась сама.

Голос Евы стал... отдаляться. Будто она уходила куда-то очень далеко, хотя Маша точно знала — сестра в соседней комнате.

— Ева? — тихо позвала Маша.

Тишина.

— Ева! — громче.

Ничего.

И тут пол под ногами Маши исчез.

Она провалилась в пустоту.

Часть третья: Лабиринт.

Маша падала недолго. Секунда — и она уже стояла на чём-то твёрдом.

Было темно. Очень темно. Так темно, что она не видела даже собственных рук.

— Ау! — крикнула Маша. — Есть кто?

Тишина.

Только где-то далеко-далеко, кажется, капала вода. Кап. Кап. Кап.

Маша вытянула руки и пошла вперёд. Пальцы коснулись чего-то холодного и шершавого — стена. Она повела рукой в сторону — ещё стена. Повернула — проход.

Лабиринт.

— Мама... — прошептала Маша, и голос её дрогнул.

Ей стало страшно. Очень страшно. Так страшно, как не было никогда в жизни.

— Леша! — закричала она изо всех сил. — Ева! Помогите!

Никто не ответил.

Маша пошла по лабиринту, выставив руки перед собой. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги подкашивались. Она пыталась запоминать повороты, но в этой темноте всё было одинаково — бесконечные стены, бесконечные коридоры, бесконечный страх.

— Пожалуйста... — шептала она. — Пожалуйста, пусть это будет сон...

Но это был не сон.

Часть четвёртая: Евин ход.

Ева искала Машу повсюду.

Она заглянула под кровати, за диваны, в шкафы, даже в стиральную машину (пустую, к счастью). Маши нигде не было.

— Странно, — бормотала Ева. — Куда она могла деться?

Она подошла к Лёшиной комнате и постучала.

— Лёша, я не могу найти Машу!

— Ищи лучше, — донёлся скучающий голос.

— Я везде искала! Её нигде нет!

— Значит, плохо искала.

— Но я...

— Ева, отстань, — отрезал Лёша. — Разбирайся сама. Мне некогда.

Ева обиженно засопела и пошла дальше.

И тут она заметила собак.

Качоси и даже проснувшийся Лу стояли перед дверью родительской спальни и лаяли. Качоси — заливисто и тонко, Лу — басовито и густо.

— Чего вы? — удивилась Ева. — Там же никого нет.

Собаки не унимались. Они царапали дверь лапами и скулили.

Ева открыла дверь и зашла в спальню. Собаки бросились к шкафу и принялись лаять на него с удвоенной силой.

— На шкаф? — Ева нахмурилась. — Странно...

Она подошла поближе. Дверца шкафа была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы заметить.

— Маша? — позвала Ева, глядя на шкаф. — Ты там?

Тишина.

Ева дернула дверцу. Та открылась. Внутри было темно и пахло старыми вещами. И никого.

— Странно, — повторила Ева. — А собаки лают...

И тут она вспомнила все те истории, которые рассказывала мама. Про то, что животные чувствуют то, чего не чувствуют люди. Про то, что если собаки лают на пустое место — значит, там что-то есть.

— Маша? — снова позвала Ева, но уже тише, будто боялась спугнуть тайну.

Она шагнула внутрь шкафа.

И провалилась.

Часть пятая: Встреча в темноте.

— Ай! — Ева шлёпнулась на что-то твёрдое.

Было темно. Холодно. И страшно.

— Маша! — закричала Ева. — Маша, ты здесь?

— Ева? — раздался в темноте удивлённый голос. — Ева, это ты?!

— Маша!

Они бросились друг к другу и обнялись так крепко, что, кажется, слышно было на весь лабиринт.

— Ты тоже провалилась? — спросила Маша.

— Да! Собаки лаяли на шкаф, я зашла посмотреть — и упала! А где мы?

— Не знаю, — всхлипнула Маша. — Я уже давно тут брожу. Это лабиринт. Я выход искала, но не нашла.

— А Лёша?

— Лёша не придет, ты же знаешь. Он занят.

— Злой Лёша, — надулась Ева.

— Злой, — согласилась Маша. — Но сейчас нам надо выбираться. Давай вместе?

— Давай.

Они взялись за руки и пошли по лабиринту. Вдвоём было не так страшно, но всё равно очень темно и очень непонятно. Стены всё время сворачивали то влево, то вправо, и казалось, что они ходят по кругу.

— Маша, мне страшно, — шептала Ева.

— Мне тоже, — призналась Маша. — Но мы справимся. Мы же вместе.

— Давай кричать? Вдруг Лёша услышит?

— Давай.

— ЛЁША! — закричали они хором. — ПОМОГИ!

Тишина.

Только капли воды. Кап. Кап. Кап.

Часть шестая: Лёша в деле.

Лёша сидел за компьютером, но игра уже не шла. Что-то его беспокоило.

Собаки не замолкали.

Качоси и Лу лаяли уже минут двадцать без перерыва. Лай то затихал, то усиливался, но не прекращался совсем.

— Да что ж такое! — Лёша вскочил и вышел в коридор. — Заткнитесь!

Лёша зашёл в спальню. Собаки лаяли на шкаф и скребли дверцы.

— Сестёр нигде нет, — пробормотал Лёша. — Шкаф закрыт... Или нет?

Он решил попробовать приоткрыть дверцу.

— Эй, мелочь! — крикнул он, заглядывая внутрь. — Вы там, что ли?

Тишина.

— Глупые, — вздохнул Лёша. — Наверное, залезли и закрылись изнутри. А открыться не могут.

Он оглянулся, схватил два стула, стоящих у стены, и подпёр ими дверцы шкафа снаружи, чтобы те случайно не захлопнулись, если он полезет внутрь.

— Сейчас я вас вытащу, — сказал он, залезая в шкаф. — И будете знать, как в...

Он не договорил.

Потому что провалился.

Часть седьмая: Спасательная операция.

— Ай, чёрт! — Лёша приземлился на что-то мягкое, но в темноте не понял, на что.

— Лёша! — закричали два голоса. — ЛЁША!

— Девочки? — удивился он. — Вы здесь?

Они бросились к нему и повисли на шее.

— Мы так испугались! — рыдала Ева.

— Мы не могли выйти! — всхлипывала Маша.

— Ладно-ладно, — Лёша обнял их, чувствуя, как у самого от сердца отлегло. — Главное, что вы целы. А теперь давайте выбираться.

— А ты знаешь как? — спросила Маша.

— Нет, — честно признался Лёша. — Но вместе мы что-нибудь придумаем.

Они пошли по лабиринту втроём. Лёша шёл первым, держа девочек за руки. Он внимательно смотрел по сторонам, запоминал повороты, прислушивался.

— Там вода капает, — сказала Ева. — Мы всё время слышим.

— Вода — это хорошо, — задумался Лёша. — Значит, где-то есть трубы. А трубы ведут к выходу.

— Правда? — обрадовалась Маша.

— Не знаю, — усмехнулся Лёша. — Но звучит логично.

Они пошли на звук воды. Долго плутали, несколько раз заходили в тупики, возвращались, снова искали дорогу.

И вдруг Ева закричала:

— Свет! Я вижу свет!

Вдалеке и правда мерцал слабый огонёк.

Они побежали к нему, и чем ближе подбегали, тем свет становился ярче.

А потом они вывалились прямо в родительскую спальню.

Из шкафа.

— Ура-а-а! — закричали все хором.

Собаки радостно залаяли и принялись лизать их лица. Лу, который, оказывается, всё это время ждал у шкафа, вилял хвостом так, что, казалось, сейчас он оторвётся.

— Мы выбрались! — Маша обнимала сестру и брата. — Мы выбрались!

— Тише-тише, — Лёша высвободился из объятий и строго посмотрел на них. — А теперь слушайте меня внимательно.

Девочки затихли.

— Вы зачем в шкаф полезли? — спросил он.

— Я пряталась, — виновато сказала Маша. — Думала, Ева не найдёт.

— А меня собаки привели, — добавила Ева. — Они лаяли, я подумала, что там Маша.

— Мало ли что вы подумали! — Лёша покачал головой. — Вы знаете, что мама запретила туда лазить?

— Знаем, — вздохнули девочки.

— А знаете, почему?

— Потому что там старые вещи?

— Потому что это может быть опасно! — Лёша повысил голос. — Вы могли там застрять навсегда! А если бы я не догадался стульями подпереть дверцы? Мы бы все там остались!

— Прости, — прошептала Маша.

— Прости, — повторила Ева.

— Ладно, — Лёша смягчился. — Главное, что все живы. Но запомните: никогда, слышите, НИКОГДА не залезайте в закрытые места, куда вас не пускают взрослые. Особенно в старые шкафы. Особенно без присмотра.

— А что это было? — спросила Маша. — Тот лабиринт?

— Не знаю, — честно сказал Лёша. — Может, просто темнота и страх. А может, что-то другое. Но проверять снова мы не будем.

— Обещаем, — хором сказали девочки.

— И ещё, — добавил Лёша. — Если бы вы сразу сказали мне, что собираетесь прятаться, я бы пошёл с вами. И ничего бы не случилось.

— Но ты сказал, что занят, — напомнила Ева.

Лёша вздохнул.

— Я был занят ерундой, — признался он. — А вы — важнее. Простите.

Девочки улыбнулись и снова обняли брата.

— Мы тебя тоже прощаем, — сказала Маша.

— Только больше не отмахивайся от нас, — добавила Ева.

— Обещаю, — кивнул Лёша.

Часть восьмая: Семья.

Вечером, когда мама и папа вернулись домой, их встретила удивительная картина: все трое детей сидели на диване в обнимку с собаками и смотрели мультики. Лёша, который обычно отнекивался от «детских» занятий, сидел между сёстрами и держал попкорн.

— Ого, — удивилась мама. — А что это мы такие дружные?

— Мы просто поняли одну важную вещь, — сказал Лёша.

— Какую?

— Что вместе — лучше, — ответила Маша.

— И что нельзя лазить в старые шкафы, — добавила Ева.

— И что надо слушаться взрослых, — закончил Лёша.

Мама и папа переглянулись.

— А что случилось? — осторожно спросил папа.

— Долгая история, — отмахнулся Лёша. — Но мы расскажем ее за ужином!

— И мы пообещали друг другу быть теперь всегда вместе, — добавила Маша.

— И собакам, — кивнула Ева.

Качоси твякнула, Лу зевнул и уткнулся носом в Лёшину ногу.

— Ну, раз всё хорошо, — улыбнулась мама, — тогда я пойду чай поставлю. А вы идите мойте руки и помогите накрыть на стол.

— А можно мы завтра все вместе в прятки поиграем? — спросила Ева.

— Можно, — сказал папа. — Обязательно.

И это было лучшее обещание за весь день.

Потому что нет ничего важнее, чем быть вместе. Чем знать, что в любой темноте, в любом лабиринте, в любой беде — рядом есть те, кто придёт на помощь.

Даже если для этого придётся провалиться в старый бабушкин шкаф.

История пятая, в которой даже самые уютные места таят опасность.

Часть первая: Обычный день, который перестал быть обычным (снова).

Маша и Ева обожали играть в прятки.

Это была их любимая игра с самого раннего детства. Когда мама и папа были дома, они играли всей семьёй — и это было настоящее счастье. Папа всегда прятался так хитро, что его находили последним, а мама делала вид, что не видит детей, хотя те хихикали за шторой так громко, что было слышно даже на улице. Лёша, конечно, считал себя слишком взрослым для таких игр, но стоило начаться веселью — и он включался, потому что на самом деле любил эту семейную традицию.

Но сегодня мамы и папы не было дома. Уехали по делам и оставили детей на Лёшу.

— Лёша, пойдёшь с нами играть в прятки? — подбежала к нему Ева, сияя надеждой.

Лёша сидел за компьютером, увлечённо нажимая на кнопки в какой-то игре.

— Ага, сейчас, — буркнул он, не отрываясь от экрана. — Бегу и падаю.

— Ну Лёсик!

— Я занят, — отрезал он. — Играйте сами. Вы уже большие.

Ева обиженно надула губы и поплелась к Маше.

— Он не идёт, — сообщила она сестре.

— Ну и ладно, — Маша махнула рукой, хотя в глубине души тоже расстроилась. — Вдвоём тоже весело. Давай ты первая прячешься?

Ева заулыбалась и побежала искать укрытие.

Маша закрыла глаза и начала считать:

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался — я не виновата!

Она открыла глаза и прислушалась. Из папиного кабинета доносилось сдавленное хихиканье.

— Ева, ты что, под столом? — крикнула Маша.

Тишина. Потом снова хихиканье.

Маша зашла в кабинет. Папин рабочий стол был огромным, старым, с тяжёлой дубовой столешницей. Под ним, скорчившись в три погибели, сидела Ева и зажимала рот ладошками, чтобы не смеяться.

— Нашла! — закричала Маша.

— Ну как ты так быстро?! — возмутилась Ева, вылезая из-под стола. — Я же тихо сидела!
— Ты хихикала, — засмеялась Маша. — Тебя за километр слышно.

Мимо них, виляя хвостом, прошла Качоси — маленькая собачка, которую они все обо-
жали. Качоси была девочкой, очень активной и любопытной. Она сунула свой мокрый нос под
стол, обнюхала место, где только что сидела Ева, и вопросительно посмотрела на девочек.

— Ты тоже хочешь играть? — спросила Ева.

Качоси тявкнула и завертелась на месте.

— Ну какие прятки с собакой? — покачала головой Маша. — Она же по запаху найдёт.

— Жалко, — вздохнула Ева.

На своём лежаке в углу гостиной мирно посапывал Лу — маленький пушистый пёс, маль-
чик, который мог спать сутками. Его даже обедом иногда было сложно разбудить. Уж он-то
точно не собирался участвовать в прятках.

— Ладно, — сказала Маша. — Теперь я прячусь. А ты считай.

— Давай!

Ева закрыла глаза и принялась считать вслух, а Маша заметалась по квартире в поисках
надёжного укрытия.

И тут её взгляд упал на сушилку для белья.

Она стояла в углу прихожей, и на ней висели свежестыренные длинные полотенца —
мамины любимые, с узорами. Они свисали почти до пола, создавая идеальный шатёр.

Маша юркнула за полотенца и присела на корточки. Сердце колотилось от предвкушения.
Сквозь щель между полотенцами она видела, как Ева закончила считать и вышла на поиски.

— Ма-а-а-ша! — позвала Ева. — Где ты?

Тишина.

Ева прошла в гостиную, заглянула под диван, проверила за шторой, открыла шкаф в
коридоре.

— Ма-а-а-ша!

Маша сидела тихо, как мышка, и улыбалась. Ева проходила мимо сушилки раз, другой,
третий — и ничего не замечала.

— Ну где же ты? — причитала Ева. — Я везде посмотрела! Маша, выходи, я сдаюсь!

Маша чуть не хихикнула, но сдержалась.

Ева обошла квартиру по кругу ещё раз. Заглянула даже в ванную и в туалет. Потом подо-
шла к Лёшиной комнате и постучала.

— Лёша, ты не видел Машу?

— Нет, — буркнул он из-за двери. — И не мешай.

— Но я не могу её найти!

— Ищи лучше.

— Я уже везде искала!

Лёша тяжело вздохнул, встал из-за компьютера и вышел в коридор. Окинул взглядом
прихожую и сразу заметил торчащий из-под полотенца Машин носок.

— Эй, мелочь, — крикнул он, обращаясь к Еве. — Посмотри-ка под сушилкой.

Ева подбежала, отодвинула полотенце и закричала:

— А-а-а, вот ты где!

Маша вылезла, красная и взлохмаченная, и сердито посмотрела на брата.

— Это нечестно! Ты подсказал!

— Ну и что? — Лёша пожал плечами. — Вы меня достали уже своим писком.

— Тогда я прячусь снова! — заявила Маша. — И ты не подсказываешь!

— Да пожалуйста, — отмахнулся Лёша и ушёл обратно в комнату.

Часть вторая: Запретная дверь.

Маша задумалась. Где бы спрятаться так, чтобы её точно не нашли? Ева хоть и маленькая, но уже научилась искать получше. Нужно место потайное, такое, куда никто не додумается заглянуть.

И тут её взгляд упал на дверь родительской спальни.

А в спальне стоял ОН.

Старинный шкаф.

Огромный, дубовый, с резными дверцами и тяжёлыми медными ручками. Этот шкаф достался им от прабабушки, и мама всегда говорила, что это семейная реликвия. А ещё мама всегда строго-настрого запрещала в него заглядывать.

— Там хранятся старые вещи, — говорила она. — Очень хрупкие и дорогие сердцу. Не смейте его открывать, понятно?

Дети кивали, но, конечно, иногда поглядывали на шкаф с любопытством. Что там внутри? Какие тайны хранят его полки?

— Мама же не узнает, — прошептала Маша самой себе. — Мы быстро. Я только залезу и вылезу. Ева меня не найдёт, а потом я выберусь, и всё будет хорошо.

Она оглянулась. Ева стояла в коридоре спиной к ней и честно закрыла глаза ладошками.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... — считала Ева.

Маша на цыпочках прокралась в спальню, подошла к шкафу и дёрнула ручку.

Дверца не поддавалась.

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

Маша дёрнула сильнее. Что-то щёлкнуло, и дверца приоткрылась. Замок, который казался надёжным, на самом деле был старым и расшатанным.

— Двадцать! — крикнула Ева. — Я иду искать!

Маша влезла внутрь и прикрыла за собой дверцу.

Внутри пахло нафталином и старыми вещами. Было темно, но сквозь щель в дверце пробивалась тонкая полоска света. Маша прижалась к задней стенке и затаила дыхание.

Сначала всё было хорошо.

Она слышала, как Ева ходит по квартире, открывает двери, зовёт её. Голос сестры то приближался, то удалялся.

— Ма-а-аша! Где ты? Выходи!

Маша улыбнулась в темноте. Не найдёт.

Но вдруг произошло странное.

Дверца захлопнулась сама.

Голос Евы стал... отдаляться. Будто она уходила куда-то очень далеко, хотя Маша точно знала — сестра в соседней комнате.

— Ева? — тихо позвала Маша.

Тишина.

— Ева! — громче.

Ничего.

И тут пол под ногами Маши исчез.

Она провалилась в пустоту.

Часть третья: Лабиринт.

Маша падала недолго. Секунда — и она уже стояла на чём-то твёрдом.

Было темно. Очень темно. Так темно, что она не видела даже собственных рук.

— Ау! — крикнула Маша. — Есть кто?

Тишина.

Только где-то далеко-далеко, кажется, капала вода. Кап. Кап. Кап.

Маша вытянула руки и пошла вперёд. Пальцы коснулись чего-то холодного и шершавого — стена. Она повела рукой в сторону — ещё стена. Повернула — проход.

Лабиринт.

— Мама... — прошептала Маша, и голос её дрогнул.

Ей стало страшно. Очень страшно. Так страшно, как не было никогда в жизни.

— Леша! — закричала она изо всех сил. — Ева! Помогите!

Никто не ответил.

Маша пошла по лабиринту, выставив руки перед собой. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги подкашивались. Она пыталась запоминать повороты, но в этой темноте всё было одинаково — бесконечные стены, бесконечные коридоры, бесконечный страх.

— Пожалуйста... — шептала она. — Пожалуйста, пусть это будет сон...

Но это был не сон.

Часть четвёртая: Евин ход.

Ева искала Машу повсюду.

Она заглянула под кровати, за диваны, в шкафы, даже в стиральную машину (пустую, к счастью). Маши нигде не было.

— Странно, — бормотала Ева. — Куда она могла деться?

Она подошла к Лёшиной комнате и постучала.

— Лёша, я не могу найти Машу!

— Ищи лучше, — донёсся скучающий голос.

— Я везде искала! Её нигде нет!

— Значит, плохо искала.

— Но я...

— Ева, отстань, — отрезал Лёша. — Разбирайся сама. Мне некогда.

Ева обиженно засопела и пошла дальше.

И тут она заметила собак.

Качоси и даже проснувшийся Лу стояли перед дверью родительской спальни и лаяли. Качоси — заливисто и тонко, Лу — басовито и густо.

— Чего вы? — удивилась Ева. — Там же никого нет.

Собаки не унимались. Они царапали дверь лапами и скулили.

Ева открыла дверь и зашла в спальню. Собаки бросились к шкафу и принялись лаять на него с удвоенной силой.

— На шкаф? — Ева нахмурилась. — Странно...

Она подошла поближе. Дверца шкафа была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы заметить.

— Маша? — позвала Ева, глядя на шкаф. — Ты там?

Тишина.

Ева дернула дверцу. Та открылась. Внутри было темно и пахло старыми вещами. И никого.

— Странно, — повторила Ева. — А собаки лают...

И тут она вспомнила все те истории, которые рассказывала мама. Про то, что животные чувствуют то, чего не чувствуют люди. Про то, что если собаки лают на пустое место — значит, там что-то есть.

— Маша? — снова позвала Ева, но уже тише, будто боялась спугнуть тайну.

Она шагнула внутрь шкафа.

И провалилась.

Часть пятая: Встреча в темноте.

— Ай! — Ева шлёпнулась на что-то твёрдое.

Было темно. Холодно. И страшно.

— Маша! — закричала Ева. — Маша, ты здесь?

— Ева? — раздался в темноте удивлённый голос. — Ева, это ты?!

— Маша!

Они бросились друг к другу и обнялись так крепко, что, кажется, слышно было на весь лабиринт.

— Ты тоже провалилась? — спросила Маша.

— Да! Собаки лаяли на шкаф, я зашла посмотреть — и упала! А где мы?

— Не знаю, — всхлипнула Маша. — Я уже давно тут брожу. Это лабиринт. Я выход искала, но не нашла.

— А Лёша?

— Лёша не придет, ты же знаешь. Он занят.

— Злой Лёша, — надулась Ева.

— Злой, — согласилась Маша. — Но сейчас нам надо выбирать. Давай вместе?

— Давай.

Они взялись за руки и пошли по лабиринту. Вдвоём было не так страшно, но всё равно очень темно и очень непонятно. Стены всё время сворачивали то влево, то вправо, и казалось, что они ходят по кругу.

— Маша, мне страшно, — шептала Ева.

— Мне тоже, — призналась Маша. — Но мы справимся. Мы же вместе.

— Давай кричать? Вдруг Лёша услышит?

— Давай.

— ЛЁША! — закричали они хором. — ПОМОГИ!

Тишина.

Только капли воды. Кап. Кап. Кап.

Часть шестая: Лёша в деле.

Лёша сидел за компьютером, но игра уже не шла. Что-то его беспокоило.

Собаки не замолкали.

Качоси и Лу лаяли уже минут двадцать без перерыва. Лай то затихал, то усиливался, но не прекращался совсем.

— Да что ж такое! — Лёша вскочил и вышел в коридор. — Заткнитесь!

Лёша зашёл в спальню. Собаки лаяли на шкаф и скребли дверцы.

— Сестёр нигде нет, — пробормотал Лёша. — Шкаф закрыт... Или нет?

Он решил попробовать приоткрыть дверцу.

— Эй, мелочь! — крикнул он, заглядывая внутрь. — Вы там, что ли?

Тишина.

— Глупые, — вздохнул Лёша. — Наверное, залезли и закрылись изнутри. А открыться не могут.

Он оглянулся, схватил два стула, стоящих у стены, и подпер ими дверцы шкафа снаружи, чтобы те случайно не захлопнулись, если он полезет внутрь.

— Сейчас я вас вытащу, — сказал он, залезая в шкаф. — И будете знать, как в...

Он не договорил.

Потому что провалился.

Часть седьмая: Спасательная операция.

— Ай, чёрт! — Лёша приземлился на что-то мягкое, но в темноте не понял, на что.

— Лёша! — закричали два голоса. — ЛЁША!

— Девочки? — удивился он. — Вы здесь?
Они бросились к нему и повисли на шее.
— Мы так испугались! — рыдала Ева.
— Мы не могли выйти! — всхлипывала Маша.
— Ладно-ладно, — Лёша обнял их, чувствуя, как у самого от сердца отлегло. — Главное, что вы целы. А теперь давайте выбираться.
— А ты знаешь как? — спросила Маша.
— Нет, — честно признался Лёша. — Но вместе мы что-нибудь придумаем.
Они пошли по лабиринту втроём. Лёша шёл первым, держа девочек за руки. Он внимательно смотрел по сторонам, запоминал повороты, прислушивался.
— Там вода капает, — сказала Ева. — Мы всё время слышим.
— Вода — это хорошо, — задумался Лёша. — Значит, где-то есть трубы. А трубы ведут к выходу.
— Правда? — обрадовалась Маша.
— Не знаю, — усмехнулся Лёша. — Но звучит логично.
Они пошли на звук воды. Долго плутали, несколько раз заходили в тупики, возвращались, снова искали дорогу.
И вдруг Ева закричала:
— Свет! Я вижу свет!
Вдалеке и правда мерцал слабый огонёк.
Они побежали к нему, и чем ближе подбегали, тем свет становился ярче.
А потом они вывалились прямо в родительскую спальню.
Из шкафа.
— Ура-а-а! — закричали все хором.
Собаки радостно залаяли и принялись лизать их лица. Лу, который, оказывается, всё это время ждал у шкафа, вилял хвостом так, что, казалось, сейчас он оторвётся.
— Мы выбрались! — Маша обнимала сестру и брата. — Мы выбрались!
— Тише-тише, — Лёша высвободился из объятий и строго посмотрел на них. — А теперь слушайте меня внимательно.
Девочки затихли.
— Вы зачем в шкаф полезли? — спросил он.
— Я пряталась, — виновато сказала Маша. — Думала, Ева не найдёт.
— А меня собаки привели, — добавила Ева. — Они лаяли, я подумала, что там Маша.
— Мало ли что вы подумали! — Лёша покачал головой. — Вы знаете, что мама запретила туда лазить?
— Знаем, — вздохнули девочки.
— А знаете, почему?
— Потому что там старые вещи?
— Потому что это может быть опасно! — Лёша повысил голос. — Вы могли там застрять навсегда! А если бы я не догадался стульями подпереть дверцы? Мы бы все там остались!
— Прости, — прошептала Маша.
— Прости, — повторила Ева.
— Ладно, — Лёша смягчился. — Главное, что все живы. Но запомните: никогда, слышите, НИКОГДА не залезайте в закрытые места, куда вас не пускают взрослые. Особенно в старые шкафы. Особенно без присмотра.
— А что это было? — спросила Маша. — Тот лабиринт?
— Не знаю, — честно сказал Лёша. — Может, просто темнота и страх. А может, что-то другое. Но проверять снова мы не будем.
— Обещаем, — хором сказали девочки.

— И ещё, — добавил Лёша. — Если бы вы сразу сказали мне, что собираетесь прятаться, я бы пошёл с вами. И ничего бы не случилось.

— Но ты сказал, что занят, — напомнила Ева.

Лёша вздохнул.

— Я был занят ерундой, — признался он. — А вы — важнее. Простите.

Девочки улыбнулись и снова обняли брата.

— Мы тебя тоже прощаем, — сказала Маша.

— Только больше не отмахивайся от нас, — добавила Ева.

— Обещаю, — кивнул Лёша.

Часть восьмая: Семья.

Вечером, когда мама и папа вернулись домой, их встретила удивительная картина: все трое детей сидели на диване в обнимку с собаками и смотрели мультики. Лёша, который обычно отнекивался от «детских» занятий, сидел между сёстрами и держал попкорн.

— Ого, — удивилась мама. — А что это мы такие дружные?

— Мы просто поняли одну важную вещь, — сказал Лёша.

— Какую?

— Что вместе — лучше, — ответила Маша.

— И что нельзя лазить в старые шкафы, — добавила Ева.

— И что надо слушаться взрослых, — закончил Лёша.

Мама и папа переглянулись.

— А что случилось? — осторожно спросил папа.

— Долгая история, — отмахнулся Лёша. — Но мы расскажем ее за ужином!

— И мы пообещали друг другу быть теперь всегда вместе, — добавила Маша.

— И собакам, — кивнула Ева.

Качоси твякнула, Лу зевнул и уткнулся носом в Лёшину ногу.

— Ну, раз всё хорошо, — улыбнулась мама, — тогда я пойду чай поставлю. А вы идите мойте руки и помогите накрыть на стол.

— А можно мы завтра все вместе в прятки поиграем? — спросила Ева.

— Можно, — сказал папа. — Обязательно.

И это было лучшее обещание за весь день.

Потому что нет ничего важнее, чем быть вместе. Чем знать, что в любой темноте, в любом лабиринте, в любой беде — рядом есть те, кто придёт на помощь.

Даже если для этого придётся провалиться в старый бабушкин шкаф.

Глава девятая: Поучительный вывод.

И знаете что?

С того дня Маша и Ева больше никогда не залезали в старые шкафы. И другие запретные места не исследовали. И маму слушались.

Потому что они поняли: есть места, куда нельзя заходить без взрослых. Не потому, что взрослые хотят испортить детям веселье. А потому, что взрослые знают — там, за закрытой дверцей, может таиться то, о чём дети даже не догадываются.

А ещё они поняли: старший брат — это не просто тот, кто сидит за компьютером и отмахивается. Это тот, кто придёт на помощь, даже если не хочется вставать. Это тот, кто подопрёт дверцу стульями, чтобы никто не застрял. Это тот, кто вытащит из темноты и скажет: «Главное, что вы живы».

И Лёша понял: младшие сёстры — это не просто «мелочь, которая мешает». Это те, кто может попасть в беду, пока ты играешь. И лучше играть с ними, чем потом искать их в лабиринте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.